

Посвящается 75-летию Великой Победы

Анатолий Третьяков

ОДИНОКИЕ МАЛЬЧИКИ

рассказы

Анатолий Иванович Третьяков

Одинокие мальчики

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51835312

Одинокие мальчики. Рассказы / Анатолий Третьяков: ИП Бабина О.М.

«ИД РИС»; Москва; 2020

ISBN 978-5-907291-03-4

Аннотация

Сюжеты этой книги от начала до конца – плод воображения автора. Любые совпадения ситуаций, диалогов и т. д. с живыми или мёртвыми лицами являются чистой случайностью.

Содержание

Мальчики	6
Мальчики	9
В зале кинохроники Музея обороны Ленинграда, 1948 г	11
Он вернётся в Ленинград...	13
Он вернулся в Ленинград...	15
Эрика рыжая	19
До имперской канцелярии всего 2 километра!	21
Добьем зверя в его логове! На Тихом... потоплено два японских авианосца!	
Колонок	46
Летающее крыло	65
Эспаньола	92
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Анатолий Третьяков

Одинокие мальчики

Посвящается 75-летию Великой Победы

Anatoly Tretyakov
THE LONELY BOYS

Stories

This is a work of a fiction. The characters, incidents are products of the author's imagination and are not to be construed as real. Any resemblance to actual events or persons, living or dead, is entirely coincidental

Передняя обложка: Ленинград. 1941. Осень. Фото Совинформбюро,

Портрет автора и задняя обложка работы жителя блокадного Ленинграда Александра Кормана (член СХ СССР.)

Ст.-Петербург. Наводнение. Осень. 2008. Холст, масло.

Copyright © 2009 Anatoly Tretyakov (atret@verizon.net)

Мальчики

«Вечером дедушка оторвал листок календаря и весело сказал:

– Ну вот, завтра 22-е июня 1941 года. А раз воскресенье, значит отдохнём...»

Флора Зеленская

«Одинокие девочки», стр. 7.

Изд. SONG C °. 2006. Boston, USA.

Это о тех, кто родился до войны, во время неё и после. Их родители выполняли пятилетние планы и гибли на фронтах во время финской и Великой Отечественной. Они пришли жить в то время, о котором немецкий писатель Луис Фюрнберг писал так:

*«Тебя встречает мир как зверь, вокруг страданья и
нужда*

Твою качает колыбель чужая даль...»

(в сб: "Hölle, Hass and Liebe")

Они были обречены на блокаду, эвакуацию, на прозябание в коммунальных квартирах, на учёбу в три смены в переполненных классах, на жизнь без отцов, на получение солдатской пенсии на которую можно было купить один ботинок. Часто они должны были бороться с жизнью один на

один, потому что их было некому защитить. Они были обречены быть плохо одетыми и вечно голодными, хотя они, бывало, этого не замечали, потому что были детьми и радовались жизни. Они росли среди тотального хамства и бескультурья, но оставались чистыми, хотя язык улицы они познавали в совершенстве раньше, чем язык «Родной Речи»...

До конца своих дней они и их потомки будут помнить Великий Подвиг родителей, которые ценой своей жизни отвели от них и страны чудовищную угрозу тотального уничтожения.

Война в России, будет такой, которую нельзя будет вести по рыцарским правилам. Это будет борьба идеологий и расовых противоречий, и она будет вестись с беспрецедентной безжалостной и неутомимой жестокостью. Все офицеры должны отвергнуть от себя устаревшую идеологию... Я категорически требую, чтобы мои приказы беспрекословно выполнялись. Комиссары являются носителями идеологии, противоположной национал-социализму, поэтому комиссары должны быть ликвидированы. Немецкие солдаты, виновные в нарушении международных правовых норм... будут прощены» «Моя миссия, если мне удастся, – уничтожить славян. В будущей Европе должны быть две расы: германская и латинская. Эти две расы должны работать в России для того, чтобы уменьшить количество славян. К России нельзя подходить с юридическими или политическими

формулировками, так как русский вопрос гораздо опаснее, чем это кажется, и мы должны применять колонизаторские и биологические средства для уничтожения славян»

(А.Гитлер, 1941.)

Мальчики

... Он родился в Ленинграде
Незадолго до войны.
Дома был, наверно, праздник,
А морозы не сильны.
Снег летел больничной ватой
И уже врагам назло
Териоки были взяты,
Мертв, кому не повезло.
Все вокруг него сидели,
Зная точно наперед:
Ровно через две недели
Наступает Новый Год...
Но того не знала мама,
Слушая капризный рев,
Как уже осталось мало
До двенадцати часов.
И не ведали в квартире
Средь покойной тишины,
Что осадные мортиры
На него наведены,
Что планирует над Волгой
Резать небо Мессершмидт,
Что уже готовит Зорге
Донесенье в нужный МИД.
Что от Таллина до Кушки

Расчитал, разметил Рейх,
Где в могилу ляжет русский,
Армянин или еврей...
И не знало о блокаде,
О пайке в 120 грамм
В предвоенном Ленинграде
Поколение пап и мам...
...Тихо лучики лучились
На прицелах у Десны,
А они ходить учились
Ровно за год до войны...

В зале кинохроники Музея обороны Ленинграда, 1948 г

*«... Годовалая девочка была похоронена в
патефонном ящике...»
(Ленинград, январь 1942 года, из газет.)*

Ах, пластиночки Апрельского¹
Блинной горкой на столе!
Крошки ситного, карельского
Желваками по скуле...
Папироски на клеёночке,
Патефонная игла...
Фотография девчоночки,
Что намедни померла...
Этикетка черноватая
На пластинке чуть видна...
Между рам на серой вате
Как скелетик бузина...
Буквы золота сусального
Наискось венчают лоб,
Где играет поминальную
Патефона серый гроб...

¹ Завод грампластинок

* * *

Он вернётся в Ленинград...

* * *

Поединок. Пулемётные
Тра-с-сыр-ре-жут го-р-ри-зонт...
Са-мо-лёт-ики залётные!
В каждом сын, *und ein Sohn*²
Вот «пике», вот «бочку» крутит,
Вот таран, вот дым... и... *und*³...
У него детей не будет, —
Жить осталось пять секунд.
Он летит к земле как скуттер,
Стропы взрывом сожжены...
– Ждёшь напрасно, *liebe Mutter*⁴,
Не придёт твой сын с войны.

* * *

² и сын,

³ и,

⁴ мамочка (нем.)

Мальчик держит медный чайник.
Шапка набок. Лет пяти.
Он остался жив случайно.
Он фашистов не простит.
Что-то шамкает проектор,
Лента старая дрожит,
Снег и лёд. Кабоны⁵ сектор.
Догорает «Мессершмидт».
Вот, пройдя по эстакаде,
Быстро посмотрел назад.
Как окончится блокада
Он вернётся в Ленинград.
Шкет дрожит в пальтишке рваном,
Рукавом утёр соплю...
Я ровеснику в трамвае
Завтра место уступлю.

⁵ Посёлок на восточном берегу Ладожского Озера. Перевалочный пункт Дороги Жизни.

Он вернулся в Ленинград...

...Октябрь 1945-го. Этот дом по чётной стороне Литейного виден издалека. Если смотреть с самой верхней точки арки Литейного моста, то угол этого, если ему не изменяет память, шестиэтажного мощного здания выглядит как нос одного из лайнеров (Большой Дом, Дом Офицеров...) стоящих параллельно на долгом приколе у длиннющего мола Литейного Проспекта, рядом с которым высятся подъемные порталы Пантелеймоновской церкви и бесконечные стальные волны трамвайных рельс безостановочно лижут ватерлинии пришвартованных к тротуарам массивных кряжистых трудяг домов постройки XIX-го.

Дом на перекрестке. Здесь четыре угла. Один из них дом, на котором через почти пятьдесят с лишним лет появится мемориальная доска, извещающая, что здесь жил Иосиф Бродский, русский поэт, лауреат Нобелевской премии. Напротив этого дома школа модернистской довоенной постройки. Через дорогу на противоположной, нечётной стороне Литейного, здание детской поликлиники. Около этого дома он и его семья (а ему было тогда шесть лет) встретили после возвращения в Ленинград из эвакуации первого родственника. Его троюродную сестру Галю. Было ей тогда лет одиннадцать. Она пережила блокаду. Прошло с тех пор не много, не мало, а 65 лет...

Это был его первый дом с которого начался для него Ленинград...

...Галька вывернулась с улицы Короленко и бежала по волнистому булыжнику, которой тогда заменял нынешнее асфальтовое (а не нужно было менять!) между собором и Литейным. Церковь, как-бы вырастающая из булыжника, окружённая оградой из трофейных турецких пушек, на его взгляд, смотрелась бы лучше.

Так эта Галька, когда её окликнули, кукожилась и не признавалась (а ведь прошло 4 года и блокада была), но, в конце концов, снизошла и вспомнила... Он этот момент очень хорошо запомнил. И пустоту Литейного и напряженное молчание дома за спиной, (вспомнит или нет?), и отчуждение булыжников, где росла настоящая зеленая трава и лежал настоящий конский навоз. Много было еще ломовых лошадей после войны...

А еще в этом доме на самом углу на первом этаже была часовая мастерская, где работал земляк его бабушки, и пока тот не умер он всё носил и носил стенные часы 1910-го года издания в починку. И их удивительный пронзительный бой с длительным астматическим шипеньем *до*, и тяжелым вздохом *после*, он не забудет никогда. А резной ключ от часов, когда механизм устал сопротивляться разрушительному влиянию времени и уже не реагировал на реанимационные процедуры, и был с грустью удален из квартиры, он хранил еще много лет, как ключ от какой-то таинственной кла-

довой, где ожидает его небывалое сокровище... Только бы вот узнать туда дорогу... Дело за небольшим... Узнать и не забыть...

Запомнилось: если стоять на Литейном мосту, то сквозь бесконечно пустой Литейный проспект были хорошо видны клотик и орудийные башни Владимирской церкви...

Монумент «Разорванное кольцо», (автор К.М.Симун)

Часть мемориала «Зелёный пояс Славы». Западный берег
Ладожского озера.

Эрика рыжая

– Эй, рыжуха! Содишьси, што ли? – шофер почти что вывалился из двери автобуса и, стараясь в то же время сохранить равновесие, держался левой рукой за руль. Правая рука высунулась из засаленного до черноты рукава ватника и призывно махала.

– Нет, нет, спасибо, спасибо! – прокричала в ответ девочка лет тринадцати с медно-красными косичками, в которые были вплетены синие ленточки. – Нет, я пешком!

– А пошто? – удивился шофер. – Пошто? Ну, как хошь... Втянул себя обратно в автобус, дернул за рычаг, с трудом закрывающий ржавую скособоченную дверь. – Пешком... Была охота... И правда что... Ноги-то молодые...

Автобус прогрохотал по булыжнику вниз к единственной асфальтированной в городе улице. На указателе была надпись:

→ на Комсомольское шоссе.

Девочка смотрела ему вслед. Автобус был удивительно похож на маленький кораблик, ныряющий в ямы, как в волны. А две черных печки по бокам ничем не отличались от черных труб буксиров, пыхтевших на Неве в той далекой довоенной жизни, когда она только пошла в школу. Только эти трубы плевались желтеньким дымком, а не распускали шар-

фы черного тумана как ленинградские буксиры, которые и назывались как-то красиво «БУДОГОЩЬ» или «ВОЛХОВ-СТРОЙ». А тут и пароходов-то настоящих нет. Чапают по реке какие-то колесные уродцы. И на каждом надписи – то «УРАЛЕЦ», то «ПАТРИОТ». Будто других слов нет. А печки эти вместо бензина поставили и топят каким-то брикетами. Ну, понятно, что бензин нужен самолетам и его нужно экономить.

...Она обычно садилась на автобус около дома с малолетней сестренкой (совсем малявка – пять лет!) Отводила её в очаг (а мама забирала после работы) И на все это уходило минут пятнадцать. А автобус стоит на кольце целых двадцать минут. А на нём до школы быстро, а на трамвае быстрее – минут десять, потому что и остановок меньше и ям на рельсах нет. А трамвай еще в январе отменили, чтобы экономить электроэнергию. А пешком примерно полчаса. Конечно, смотря как итти... Если поторопиться, то меньше, а быстреньким шажком – то и совсем быстро. И итти-то нетрудно. Тротуар деревянный – ни ям, ни луж, не то что на этом, что рядышком, Комсомольском шоссе...

Она прошла мимо газетного киоска как всегда замедляя шаг, чтобы пробежать заголовки местной газеты, которая полностью перепечатывала первую страницу «ПРАВДЫ» (и покупать не надо; по заголовкам уже все ясно, что и как.) Вот и сейчас быстро и понятно:

**До имперской канцелярии
всего 2 километра! Добьем
зверя в его логове! На Тихом...
потоплено два японских авианосца!**

...Уже два дня было жарко. Так жарко, что просто не верилось, что эта бесконечная противная зима, когда даже, казалось иногда, выдыхаемый воздух замерзал прямо у рта, кончается. Однако холод переносился хорошо.

– А все потому, – назидательно объясняла географичка «что климат строго континентальный»

И всего-то неделю назад снегу было! Не пройти... Она так ждала этого момента, когда все начнет таять и растает наконец! Ей так это было нужно! И вот, дождалась. А мама тоже рада, потому что зимнее пальто уже почти сносилось, а у неё почти новое демисезонное. Она шла и отмечала, что прогалин уже больше чем земли, закрытой остатками снега... Её туфельки глухо шлепали по мокрому дощатому тротуару. Солнышко припекает... Снега уже мало... Но осталось все же достаточно вдоль заборов, под окнами, у завалинок и в тени разных хозяйственных пристроек. И, особенно, под деревьями и кустами. А вот, интересно, почему под окнами? Наверно потому, что ставни большие и тени дают много, когда полуоткрыты. А ставни везде, и у каждого хозяина свой

рисунок. А ставни «замыкают» на ночь изнутри. А между тройными рамами на серой, цвета грязного снега, вате, лежат гроздья янтарной рябины. Такая вкусная после того как прихватит её морозцем! А варенье какое!

...Она торопилась. Шла быстро, иногда даже ускоряла шаг. Не так, чтобы бежать, но достаточно быстро, чтобы чувствовать скорость, но и не устать в тоже время. И чтобы все сделать и успеть ко второму уроку. Первый – был урок физкультуры. А у неё не было ни малейшего желания толкаться в маленьком потном зале, где всегда холодно и кидать какой-то рваный тяжеленный медицинбол. Пусть сами толкают если хотят! И, кроме того, они уезжают на днях – мама уже получила разрешение на въезд в Ленинград и у неё вообще форма порвалась от старости и стирок... А урок физкультуры последний в этом году – не покупать же новую форму! Да и где её купишь! А их соседка тетя Варя правильно говорит: Все покупать, так *купишь* не хватит! Мама могла бы наверно купить – так купить негде. Надо иметь карточку на ситец. А они её уже израсходовали, пошив сестренке в её очаг передничек и мешок для обуви.

Неожиданно раздался знакомый голосочек соседки по парте: – Эй, Шустерова! Куда шустришь-то? Ишь почесала! Только пятки сверкают! Не заметила ли Галюха заштопанную дырку на пятке? Как раз над краешком задника. Еле заштопала. Мама говорила, всё, мол, нитки никуда. А обе знают, что она просто выросла и нога стала больше. А чулки те

же самые. А новые взять неоткуда. Но ничего, скоро, скоро уедем. В Ленинграде достанем у родственников. А что такого? Многие умерли и чулки остались...)

– Так я ж тебе кричу, Эрика, тебе! Ты, что, оглохла, что ли? – продолжала вопить Галюха, высунувшись из форточки.

– Хорошая девочка, только богатая больно, – завистливо (а чего стесняться-то) – думала Эрика. – Вот на завтрак ей часто дают кусок булки с теплённым маслом, похожим на мёд и посыпанным крупным, еще довоенным сахаром. Такое же масло приносили им домой в Ленинграде какие-то чухонки. А чухонки нравились – белобрысые как она... А сколько этого масла она выбросила! Страшно вспомнить! Срежет ножом, когда мама не видит, и в ведро. Но Галюха всегда толкает её в бок и спрашивает:

– Буишь?

А Эрика всегда отказывалась, хотя свой бутерброд, помазанный рыбьим жиром – вот тошниловка! – она съедала с трудом. А вот учиться соседка не хочет – всё списывает и домашние задания не делает. И не скрывает, что больше в школу ходить не будет: *«Хватит с меня работы по дому... чиво я там в вашем классе не видила?»*

Галюхина веснушчатая физиономия, с которой коричневые пятна не сходили даже зимой и иногда напоминали светлый крем для обуви, сияла.

Эрика спросила, еле переведя дух:

– А ты чего дома-то?

– Так чиво мне там делать? – ухмылялась Галюха. – И корову обрядить нада, и по дому, и в сарае... мамку-то опять вызвали на завод ночью... А за табелем потом зайду... Делов-то... Или пришлют домой...

Галюха была единственная, которая уже носила лифчик, чем ужасно гордилась. Девочки с завистью и даже опаской посматривали на неё, когда она одевала на физкультуру тугую майку. И все мальчишки пялили глаза. А ведь и учится плохо и ошибок делает столько...

Эрика смотрела на Галюхин дом так, как-будто видела его впервые. Зимой дом выглядел совсем иначе – словно вросший в землю дот. А сейчас снега нет и видно какие толстенные бревна, какие добротные ставни и ухоженное крыльцо, и какие красные кирпичи на трубе... И сразу стало ясно, что по двору без сапог не пройти – много навоза и всякой грязи, которую еще не успели убрать.

– Ну как хочешь... Оставайся дома, – сказала Эрика. – А мне пора...

– А Гаврюхе скажешь до свиданья? – ехидно спросила её соседка по парте.

(Гаврюха – козел, как-то незаметно подобрался к забору и бороденку сквозь прутья просунул. Такой смешной! Она как-то сказала маме, что козел похож на Калинина. Так мама тогда охнула, двери закрыла и обмершим голосом взяла с неё страшную клятву – никогда, никому, ничего подобного!!)

Голубые глаза козла, казалось, смотрели сквозь неё. Эрика рассмеялась. Небо было в точности такого же цвета как глаза Гаврюхи!

– Ну ладно, прощайте, прощайте, – помахала рукой Эрика и заспешила. Ещё итти и итти.

– Как все по разному выглядит, – успевала отмечать она про себя, хотя её все существо было поглощено быстрой ходьбой. – Как все по разному выглядит, если смотришь с тротуара или из окна автобуса! Вот этот домик под холмом смотрится из автобуса как сказочная картинка, а вблизи с земли – ну развалюха-развалюхой. Гнилье... И эти веревки, на которых всегда сушат белье. И как не стыдно развешивать у дороги синие теткинны пантолоны? Зимой эти штаны вообще похожи на замороженные шкуры, содранные с бездомных собак... Их сосед, скорняк-армянин, сушит точно такие же на стальной проволоке... А прошлым летом сосед по автобусу, показывая на другой пустырь, что немножечко подальше, где валяются разные ржавые железяки, тыкая желтым прокуренным пальцем говорил:

– «Тут еще недавно золотишко мыли... А может и еще моют...»

– Но это все слева, слева! Через дорогу! А мне нужна туда, где справа, справа! – повторяла Эрика. – Вот поднимусь на горку, затем спущусь. Там еще такое старое дерево стоит – давно уже спилить пора – такое гнилое. Того и гляди кого-нибудь задавит. А там уже надо поосторожнее. Могут

быть наледи, полетишь.

Поэтому она решила ставить ноги параллельно друг другу, словно спускается на лыжах лесенкой. *На всякий пожарный случай*, как все по сто раз на дню говорят. А что это означает, так толком никто объяснить не может. А портфель, между прочим, поможет удержать равновесие, если что... Никого не видно... Да ведь сегодня пятница, а работает этот пустырь по субботам и воскресеньям. Такая большущая площадка с футбольное поле, где утрамбованный снег перемешан с замерзшими зелеными «конскими яблоками» и собачьими коричневыми «колбасками». Длинные коновязи, похожие на гимнастические бревна, идут в несколько рядов. А примерно метрах в двадцати от края тротуара несколько скобоченных будок, обитых старым кровельным железом. В этих будках можно многое купить. Например, даже яблоки, которые тут стоили однажды всего шестьсот рублей штука, тогда как в привокзальном буфете аж тысячу! Это место известно всему городу и без него жить просто невозможно! Тут можно выменять вещи на любые продукты, даже на сметану. Только вот вещей-то у нас уже почти не осталось, – с горечью отметила Эрика. – Это место называется БАРАХОЛКА!

Она с замиранием в сердце остановилась у края тротуара, не решаясь сделать первый шаг в неизвестность ноздреватой грязной массы. Огляделась, высматривая где было лучше войти... Вот это её место, которое она так ищет, недалеко от края тротуара – у конца ближней коновязи у той са-

мой будки. Там где они в начале зимы с мамой лицом к лицу столкнулись с их соседом, эвакуированным певцом, который пугал всех поначалу своим рычанием, несшимся по утрам из открытой форточки. Его жена оправдывалась, говоря что у него редкий бас и ему нужно все время *вокализировать*. Артист, по правде говоря, был мало симпатичен – никого не замечал и всё время, к удивлению детей и взрослых, то и дело хватался за горло, тряс его и мычал. Жена объясняла, что это нужно для *расслабления связок*. Баба Варя ненавидела его всей душой и приговаривала:

– Подумаешь! Человек, как человек. Две ноги, посредине нос... Мой тоже как выпьет, так всегда пел...

Артист стоял высокий, красивый... Смотрел поверх толпы и продавал шубу, вокруг которой прыгал какой-то плюгавый мужичонка, приценивался. Мама тоже притворилась, что она его не заметила. А сосед скорняк, кивнув в сторону артиста, тихо сказал (сам он продавал самодельные шапки):

– Э! Кажды мясо хочэт кушат! И нэчава стэснятца!

Эрика все не решалась... А надо, надо это сделать! Она так ждала этого момента и время идет... Опоздать на второй урок не хочется. То, что потеряно, лежит вон там, у самой будки – рукой подать! Она даже представила, как её галоша, словно маленький, черненький потонувший кораблик покойно спит на дне под толстым слоем снега. В розовое её дно еще папой была вбита нержавеющей литера, похожая на цифру ТРИ, но когда её спрашивают почему ТРИ, то она от-

вечает, что это не ТРИ, а Э, хотя на самом деле эта первая буква её имени ЕРИКА, только перевернутая...

Она опасливо смотрела на страшное пространство, распростертое перед ней. Было как-то неуютно расставаться с твердью тротуара и менять такую проверенную позицию на сомнительную. Шагнешь, а там яма под грязным снегом, а то и того хуже – грабли или лемеха...

– Утонешь или поранишься... Кто услышит? Кричи, не кричи... А автобус обратно пойдет минут через сорок... Вполне хватит, чтобы сдохнуть тут... А и опоздать на второй урок, если даже выскочу, нельзя, – уверяла себя Эрика. – Он такой важный, такой важный... А училка литературы такая строгая, стоит опоздать на минутку, и проторчишь за дверью. Ужас просто! Но галошу надо найти сегодня во что бы то ни стало! И жалко, и назавтра снег уже полностью сойдет, начнет работать барахолка и кто-нибудь приметит. Ищи потом, свищи! А галоши на два размера больше чем надо, и крепкие еще, и на будущий год подойдут! Деваться некуда, – сказала она себе и остороженько слегка прикоснулась носком правой ноги к территории барахолки. И, всё еще, держа вес на левой ноге, стала переносить равновесие на правую. Снежок начал тревожно похрустывать, словно ледок в полынье. Её дернуло и качнуло... И она, не желая того сама, с силой опустила правую ступню на снег. Нога не провалилась! И вообще ничего плохого не произошло! Несколько мгновений она постояла в этой странной позиции – правая

нога на барахолке, а левая на тротуаре. Ура! Она подтянула левую ногу и присоединила её к правой. Вот так-то лучше. И, лавируя между еще твердыми кусками льда с вмерзшим навозом, стала медленно итти вдоль коновязи, хватаясь за ржавые скобы, к которым возницы прикручивали уздечки, как за перила. Да, да, это там, больше негде! Там, где она поскользнулась... Она уже видела, что то местечко около будки в конце коновязи покрыто тоненькой, уже плавящейся корочкой льда, и завтра там, точно, уже льда не останется. Как же она летела тогда и как не упала ни разу, до сих пор понять не может. А бежала от школы. Хотя не совсем от школы, а уже метров триста отошла. И что это ей тогда взбрело в голову прогуляться и решить, что все опасности позади! Хорошо, что тогда за ночь до этого не было снега и тропинка была хорошо утоптана и даже посыпана песочком! И он гнался за ней и догнать не мог! Где ему в огромных, наверно, отцовских сапожищах, сорокового размера! А она всегда бегала, будь здоров! Хотя валенки мешали. А когда уже в левом боку закололо так, что она уже, казалось, и двинуться не могла, внезапно выросла барахолка. А там уже мельтешили около коновязей мужички, готовя площадки на завтра, то есть к субботе. Она ринулась тогда к ним и мимо них, прямо к будке, так чтобы между ним и ею стояли люди и лошади... (А в этой будке – она запомнила свою мысль, непонятно как появившуюся тогда), можно будет купить жареных семечек... И вот там, около будки, она споткнулась о

длинный кусочек льда, она видела его словно сегодня, такой длинный и противный кусок... И полетела, и воткнулась бы в будку, если бы не выставила вперед левую руку с зажатым портфелем. И когда она, быстро поднявшись, оглянулась, то увидела как на неё надвигаются расширенные, полные ненависти зеленые глаза с рыжими ресницами, как его правая рука дергается, пытаясь что-то вытащить из кармана грязного старого ватника с чужого плеча, больше похожего на пальто, чем на ватник, и услышала как он шипел, видимо боясь кричать – мужики рядом – **РЫЖАЯ БЕСТИЯ! БАСТА ТЕБЕ!** Оцепенев, она смотрела как он вытаскивает тот самый, уже знакомый ей заточенный напильник, и как белеют в суставах грязные, в цыпках мальчишеские пальцы, что было силы сжимая деревянную ручку с набитым на её конец медным кольцом... Она тогда, не помня себя от страха и ненависти, отвела назад левую руку с портфелем (она уже потом поняла, что переключать портфель в правую руку не было времени и он бы успел увернуться) и что было силы саданула Мишку по его ненавистной хारे. И она увидела, как неожиданно закапала кровь на снег, и вспух его нос, и над правой бровью образовалась рваная длинная ранка. (Наверно замком – пронеслось у неё в голове.) И запомнила, как это мальчишеское лицо внезапно постарело, залитое взрослой болью, и как он охнул и схватился за лоб... Она уже не помнила, как оказалась дома. Только осталось в памяти, что она вскочила в тархтевший навстречу автобус... И обнаружила, что галоши

нет. И поняла, где та соскочила...

Повезло! А Мишка после этого исчез, будто не бывало его никогда вовсе, и никто не знал, где он и что с ним.

А солнце тем временем поднималось все выше и выше и уже почти легло на деревья. Становилось теплее. Эрика поняла, что уже больше девяти и что ей нужно спешить. Она быстро, ну не то чтобы очень, но достаточно быстро поспешила к школе. И последние дома перед школой сразу осунулись, словно разом и неожиданно состарились – без снега стали видны покосившиеся, рассыпающиеся заборы, облупившаяся, сворачивающаяся краска на ставнях и куски не то мха, не то ваты, торчащие между мокрыми бревнами стен. А на последнем доме дымила труба, из которой выпали кирпичи. Она услышала какой-то вкусный запах.

– Что-то готовят, может быть даже щи! – подумала она с завистью, потому что готовить на буржуйке было просто мученье – нужен глаз да глаз. Стоит упустить, и потом не отскребёшь, что выплеснулось. А у каждого свое хозяйство и огородики, а нам все нужно покупать или выменивать. А вот тетка питерская написала, что они тоже огородики развели на Марсовом Поле, а соседи поймали одного, который одну морковку украл – так еле милиция отняла...

А вот и школа! Перестроенный купеческий амбар. По всей стене идет надпись КУПЕЦЪ ШТИФЕЛЬ И СЫНЪ. Как ни замазывали, а все равно проступает. Уже рукой мах-

нули и под фамилией купца повесили доску

СРЕДНЯЯ ШКОЛА № 17 г. НИЖНЕ-УРАЛЬСКА

В школе два этажа, а амбар был одноэтажный, из больших гранитных валунов. Внутри понастроили перегородки и получились классы. А второй этаж пристроили и он весь деревянный. На второй этаж идет лестница всегда грязная и темная. Перила скрипят, ступеньки прогибаются...

– Вот окончится война, – обещал многократно директор. – Построим новую школу!

А нянечка вспоминала:

– Ой, и богато же жили эти Штифели! Кинотятр около почты знаишь? Это их хоромы и были. По всему Уралу славились... И шкуры скупали и камни. А возили по рекам соль и порох. А в энтим анбаре железы разные держали для пахотной работы... Помню, на коляске подкатит сам, и быстро так в анбар... А приказчики за им на полусогнутых. Боялись шибко. Но платил хорошо... Мой батюшка при ём тоже состоял. И цепь серебряную к часам за службу получил... А теперь тута школа середняя... Учись робяты...

Эрика, войдя в вестибюль, бросила взгляд на напольные часы. На истертом грязном циферблате большая стрелка уже почти подошла к маленькой.

– Ну слава те, Господи – усмехнулась она. (Я, ну, как тетя Варя!) Еще есть несколько минуток до 9:45. Сейчас будет звонок и переменка. Успела!

Она пошла к лестнице мимо раздевалки, за которой была

дверь учительской, а за дверью уже лестница.

– Вот с этой двери все и началось! – с тоской подумала она. – Если бы не шла она тогда мимо, может быть все было бы по-другому! Хотя признавалась она себе: по-другому не было бы...

– А было это уже давненько, пожалуй в середине осени, – вычисляла она. – Да, пожалуй, в конце октября. Она спускалась по лестнице, рыская глазами по полу. Она уже обыскала все, а письма отца с фронта так нигде и не было. И зачем она его взяла? Еще найдет кто-нибудь, да прочитает.

Из учительской высунулась голова исторички:

– Эрика! – поманила она. – Зайди-ка...

– Самая лучшая учительница, – думала про неё Эрика. – Столько знает и никогда ни кого голос не повысит. Не испиывает замечаниями нижнее поле дневника, где остальные учителя всегда приписывают *родителям зайти в школу*. А родители вкалывают по двенадцать часов, а у многих только дед да бабка, а родителей-то и нет... Кому зайти и зачем? А историчка так много знает и про Чехословакию, и про Австро-Венгрию и даже про Судеты. И хотя после её урока об открытии Америки, когда она сказала, что Америку открыл не Колумб, а викинг Эрик Рыжий, и на доске несколько дней появлялась надпись «ЭРИКА РЫЖАЯ!» она не в обиде. И даже знает почему Америку назвали Америкой, а не как-нибудь иначе.

– Эрика, – сказала историчка, усадив её в кресло с высокой спинкой. – Нам нужно сформировать коллектив. Класс есть, а коллектива нет. (Словечко *сформировать* звучало со всех сторон. Обычно – если говорили про войну – формировали роты, армии. Писали, что *новые формирования Красной Армии...*) Эрика смотрела учительнице в глаза и в тоже время старалась незаметно осмотреть учительскую, где она была впервые. В дальнем углу на тумбе, обтянутой красной тканью, стояла маленькая фигура гипсового Ленина с вытянутой вперед рукой. По периметру основания статуэтки расставили много цветочных горшочков с увядшими бегониями. На противоположной стене висел большой портрет Сталина, обнимающего какую-то девочку. Вся картина была написана одним блекло-коричневым цветом.

Учительница продолжала:

– Наш класс состоит в основном из новеньких. Много эвакуированных, как ты. Нам нужен коллектив. А для укрепления коллектива нам нужен хороший треугольник. И мы тебя наметили его возглавить. (Слова учительницы родили в душе Эрики тревожное смятение. Какой-то такой треугольник и почему её наметили? О геометрических фигурах у неё было весьма смутное понятие – и геометрию еще не проходили и в её жизни никто еще не был частью какого-то треугольника.) Педсовет и классная руководительница давно присматриваются к тебе. Ты, по нашему мнению, подходящая кандидатура на пост старосты класса... И родители у тебя люди

достойные – отец чешский коммунист, а мать – заместитель Городского Отдела Охраны МатМлада. И вы из Ленинграда – колыбели трех революций. Так что подумай...

Но Эрика видела, что за неё уже подумали, и что выбор учителей окончателен.

– А почему бы и нет? Староста это, наверно, хорошо...

Она уже поднялась на второй этаж. Из соседнего класса она слышала: *Чилдрен, Стоп токин!* Английский! Вот трудный язык! Хорошо, что английского в этом году уже не будет. Такое тяжелое произношение... Она вспоминала, как ей было трудно в первой четверти. Особенно первое слово, которое нужно было правильно произнести. Театр. Она столько времени провела перед зеркалом, двигая пальцем язык, чтобы научиться выговаривать что-то вроде *сиэтер*. А в прежней школе был немецкий.... То ли дело немецкий язык... *Дер Театер* и всё. Но она была даже рада, что в этой школе был только английский...

– Ну вот, – говорила классная руководительница. – Переходим к последней кандидатуре. Пожалуй, самой важной. Она поджала губы, показывая серьезность момента и вздохнула:

Приступаем к выборам старосты... Есть предложения у класса? Она продолжала: – Мы уже выбрали звеньевых, санитарный патруль (пусть дети тоже со вшами борются, а то просто невозможно. В класс войти часто нельзя, так воняет

керосином. Всё будет помощь!) Так вот, спохватилась учительница:

– Есть предложения?

Она обвела класс усталым взглядом. Дети равнодушно молчали.

– Тогда я предлагаю, как и весь педсовет, выбрать Эрику Шустерову. Кто за? А ты, Миша, что, против? – спросила она здорового второгодника, сидевшего на самой задней парте. Он был выше всех и парту ему поставили самую большую. Позади колонки, чтобы не мешал.

Мишка кивнул: – Ага! Я против!

– А почему же ты против? – вкрадчиво спросила историчка и по-кошачьи пошла к нему как-то странно вытянув шею, как-будто хотела его лучше рассмотреть. Он встал и исподлобья смотрел на приближающуюся учительницу. Его ярко зеленые глаза потемнели и на лбу выступили капельки пота. Он выкрикнул:

– Её нельзя никуда избирать! У неё отец немец! Вот! – и он стал размахивать измятым треугольным конвертом, вытасненным из нагрудного кармана немислимо старого пиджака. – Вот! Эта фашистка подколодна!!

– Да, – говорила мама. – Да! Мой муж и отец моих девочек немец по национальности и чешский коммунист. Он родился и вырос в Судетской области – это западная часть Чехии, населенная немцами. Мы с ним встретились в Москве еще в

1931 году, когда он работал для Коминтерна, а я училась в Медицинском. Он сейчас в армии и работает на радиостанции «Свободная Германия», у него два боевых ордена и два ранения. Он всегда на передовой! И я не позволю! Я этого так не оставлю!

...Кончилось это тем, что Мишку на педсовете отчислили за *нейнтернациональное поведение*. На педсовете он молчал, а его мать прижимал к глазам платок. Выходя из школы внешне тихий Мишка вдруг заорал:

– Я эту фашистку зарежу! Убью!

В самый первый раз Эрика увидела его сразу. А он еще её не видел. Мишкина маленькая (а в классе такой здоровила!) фигурка маячила на противоположной стороне улицы. И хотя стекло в тамбуре было грязное, его было невозможно не узнать. Он стоял и смотрел на двери школы – куда же еще! Не на небо же! Странно, но она почувствовала его присутствие ещё в гардеробе. Какое-то странное беспокойство тогда овладело ею. Предчувствие чего-то неприятного пронзило её. Они вышли, как всегда, ватагой, как всегда создавая нарочно заторы в двойном тамбуре выхода. А как вышли, стали сразу же кутаться в свои пальтишки и курточки. А Галюха – она почему-то запомнила – никак не могла натянуть варежку... И тут все сразу увидели Мишку, медленно пересекающего запорошенную свежим снежком улицу и уже был на середине. До дверей, где они стояли, было уже всего метров пять и тут он выдернул из кармана ватника – а ватник

был расстегнут и под ним была только тельняшка, предмет зависти мальчишек всей школы – сверкающее тонкое трехугольное лезвие, всажённое в деревянную рукоятку. Девочки завизжали и бросились обратно к дверям. Эрика беспомощно оглянулась. Она осталась одна. Из-за застекленных дверей на неё смотрели расплющенные физиономии подружек с расширенными от ужаса глазами. Мишка оскалил зубы, что-то прошипел. Эрика почувствовала, как между лопаток побежала холодная струйка пота. В животе стало жарко, а потом холодно. Но как Галюха втащила её в школу в памяти не осталось. Она только помнила, что она думала о том, что если нож тонкий и хорошо заточенный, то когда он воткнется ей в живот то больно не будет, как не было больно, когда она напоролась прошлым летом на острый и длинный гвоздь. Боль пришла потом и нога долго гноилась.

...Не узнать её было просто невозможно! Она лежала ничуть не изменившись, черная, словно замерзшая ворона (в прошлом году, говорили, была такая лютая зима, что птицы замерзали на лету и потом во всех дворах находили дохлых ворон.) Вот она ЕЁ ГАЛОША! Та самая! Красная стелька просвечивала сквозь намерзший лед. Только буквы Е не было видно, потому что она такого же цвета что и лед...

Всё, что случилось два месяца назад, она снова переживала заново: и свой безумный бег, и мужиков у коновязи, и пыхтенье Мишки позади и его мат, когда он падал, и её удар

портфелем по его роже, и как она поскользнулась на длинной черной ледышке и завалилась на бок, и хватаясь за воздух, старалась сохранить равновесие. Она запомнила Мишкино лицо, и как кровь капала из его носа или еще откуда... Только у своего дома она обнаружила пропажу. А галоша так была нужна, потому что зима в разгаре и ни один валенок без галоши не выдержит. Пришлось маме заказать новые галоши у скорняка. Тот поклеил новую пару из старой автомобильной камеры. И такие они были удобные! Надел и резина плотно схватывает валенок. А скорняк, презрительно и осуждающе отвел мамину руку, раскрывшую ридикюль, чтобы расплатиться и пропыхтел:

– Бэз дэнег! Тэбэ бесплатна!

– Ну ладно, чего вспоминать! На часах 9:45. Второй урок и еще несколько, и всё! Они уже уезжают! Может быть, даже послезавтра!

Но снова пережитый ужас охватил её. И чего это она решила, что все позади и Мишкины угрозы ничего не стоят! Тем более, что он подевался куда-то... Хорошо, что тогда не было ночью снегопада и она бежала по утрамбованной расчищенной дорожке... А говорили, что после той стычки Мишку в милицию забрали и отправили в детский дом, не то он к тетке уехал.

И не будет больше этой физкультуры в маленьком холодном зале, где валяются рваные медицинболы, висят ободран-

ные канаты – подарок моряков! – и всегда пахнет потом... И не нужно одевать сатиновые штаны с резиночками, чтобы учиться делать пирамиды.

Учительница любила их стыдить, хрипя прокуренным голосом:

– Как же мы покажем школе наше лицо, если не будем уметь делать пирамиды?

– А там и не лицо главное...

Сидеть без Галюхи было значительно удобнее, чем вдвоем. Можно откинуться, развалиться. И ждать, когда, наконец, учительница литературы перейдет к самому главному. Месяц назад она объявила (и очень торжественным и даже загадочным голосом), что дирекция решила объявить конкурс в седьмых классах на лучшее сочинение на тему «Советские школьники помогают громить врага».

Поначалу она не думала ничего о сочинении, но очень любила читать, и всегда с радостью принималась писать сочинения, хотя это случалось довольно редко. Однако, когда она узнала, что пришло разрешение вернуться в Ленинград, что-то неожиданно вызвало её интерес к домашнему заданию. Она стала рыться в подшивках газет. Переворошила всё в школьной библиотеке. А специальные выпуски о подвигах допризывной молодежи знала почти наизусть. И вот она нашла удивительную статью о том, как подростки бежали на войну и совсем недавно, всего месяц назад и – надо же такое счастье! – оба были сибиряки и ехали в поездах, и где-

то около Москвы их обнаружили и стали ловить и один из них сорвался и попал под колеса. Однако выжил, хотя и отдало ему ноги... Когда стали их спрашивать, зачем они это сделали, то они отвечали, что боялись, что война без них кончится и хотели повоевать хоть немного.

И вот дошла очередь и до неё. Вера Ивановна рассказывала о каждом сочинении по алфавиту. Эрика была последняя. Она видела, как медленно, но неуклонно горка тетрадок приближается к поверхности стола, на котором лежит в самом низу её тетрадка в синей обложке, которую она сделала из куска обоев, найденного на чердаке. (Кто их оставил? Совсем были новые.) Учительница что-то говорила, говорила о каждом сочинении, но Эрика была мыслями далеко, и в то же время совсем рядом. Странное, ранее неизвестное чувство соперничества овладело ею. Ей очень хотелось, чтобы все хорошие слова, которые учительница произносила о каждом сочинении, были бы обращены только к ней! Кто же самый лучший? Кто?? Терзала её неотступная мысль. Кто?? Она себя не узнавала... Вообще-то школа была ей тоже безразлична, как и Галюхе. Только у неё не было никакого хозяйства. А просто было скучно и как-то временно. И этот старостат, когда нужно докладывать о всем, что произошло в классе тайком учительнице за закрытыми дверями... Ей все это было чуждо и неприятно. Скоро уедем и все это кончится – и зима, и голод, и война и эта школа...

Она уже начала подремывать, когда Вера Ивановна каким-то необычным высоким голосом сказала:

– А вот сочинение Эрики Шустеровой! Девочка нашла и описала такое необычное событие, такой необычный настоящий подвиг, который был совершен не в районе боевых действий, а в тылу. Подумать только, какая необычная яркая судьба выпала этому подростку, который потерял ноги, чтобы успеть на войну! Видно, что Эрика полюбила своего героя всем сердцем и очень ярко это описала. Подумать только, что это совершил простой мальчишка! И хотя Урал это не Сибирь – он почти наш земляк!

Она умолкла на какое-то мгновение, пожевала губами, поправила брошь и радостно проговорила:

– Все наши литераторы считают, что лучшее сочинение на-пи-са-но-о... (Какая длинная пауза!) Эрикой Шустеровой! В конце года ей будет вручена почетная грамота. (Когда же, – подумала Эрика. – Ведь не сегодня-завтра меня тут уже не будет. И сказала себе: – Пришлют и делов-то, – как правильно говорила Галюха.)

– Чего сияшь как блин? – спросил её шофер, открывая с трудом ржавую дверь автобуса.

Эрика не ответила. – Надо же! Лучшее сочинение! Так неожиданно! И они уезжают! Жаль расставаться со школой! Война заканчивается! А ведь если бы она была мальчишкой, то тоже могла бы побежать на фронт! Хорошо быть маль-

чишкой!

Она вышла из автобуса только потому что увидела, что в киоске торгуют семечками. Солнце так и светит!

Около киоска кто-то стоял на коленях с опущенной головой.

– Что это он там ищет? – подумала Эрика.

Перед человеком лежала ушанка, в которой было что-то блестящее.

– Уже наклюкался, – подумала Эрика и сделала шаг в сторону, чтобы обойти и подойти к окошечку. Тут мужик поднял голову и её подбросило. На неё смотрел Мишка. Его те же самые зеленые глаза, те же самые рыжие ресницы. Она перехватила портфель в правую руку, чтобы было поудобнее, если понадобится, садануть и закричала:

– Ну что, сучонок! Догони! Слабо?!

Но что-то вдруг её остановило. Наверно печальный, какой-то странный взгляд Мишки, у которого над рыжей бровью виднелся длинный розовый шрам.

– А чего он тут потерял? Она опустила глаза и увидела, что колени Мишки обтянуты черной кожей, а сам он сидит (или стоит?) на какой-то платформе с колесиками, рядом с которой лежат две деревяшки с ручками, похожие на сапожные щетки... Безногий!!

Эрика в ужасе стала медленно отходить от Мишки. Потом повернулась и побежала. Быстро остановилась, её слов-

но осенило: Мишка... Мальчишка, бежавший на войну из Сибири... герой... отрезало ноги... лучшее сочинение...

...Она с трудом повернулась и, с немыслимыми усилиями переставляя ноги по залитой солнцем асфальтовой мостовой, стала двигаться назад к киоску... Но Мишки уже там не было и никто не видел, когда и куда он исчез.

Они уехали второго мая, а через неделю окончилась война. Когда они приехали в Ленинград, то оказалось, что их дом разбомбили. Они получили комнату в другом районе и Эрика так и не дождалась обещанной, грамоты. Да ей и не хотелось её иметь...

* * *

Не сесть рано утром в троллейбус,

Не сесть рано утром в трамвай.

Старухи везде.

Не болеют!

Качают старушьи права.

Старухи, старухи, старухи

Кричат, суетятся, ворчат...

Взвалили На них молодухи

Заботы, обеды, внучат...

И в летнем трамвае, и в зимнем

От них только крики и шум...

Но нет стариков между ними —
И помним мы все *почему...*

1975

Колонок

«Малахи-ит грюююн», – тихо тянул мальчик, вытягивая вперед нижнюю губу, как это делала всегда учительница немецкого языка.

– «Ю – ю – ю – у м л я – у – у т-з и – и – и л е н ы ы й, зи- и-лёны-ый. Грю-ю-юн малахитовый», – шептал мальчик поглаживая маленький тюбик, похожий на помятую свинцовую мушкетную пулю, уютно спящую до поры в початом патронташе коробочки-пенала с красками.

Он посмотрел на тусклую этикетку. На ней островерхими башенками (за которыми, конечно же, прятался средневековый городок, толпились средневековые буквы malachitgrün. Мальчик попробовал отвернуть пластмассовую крышечку. Крышка не поддавалась. – Давно открывалась, – понял мальчик и положил тюбик обратно в деревянную коробочку, где в отдельном гнезде лежали перевязанные красной ленточкой кисти с удивительно тонкими остриями, похожие на стрелы для арбалетов. И еще раз коробочка с тюбиками красок и кисточками показалась ему сумкой охотника или воина... Темнокоричневый цвет лакового покрытия был удивительно похож на коричневый кожаный патронташ, опоясывающий чучело медведя, выставленный в витрине магазина «СПОРТ-ОХОТА» на Литейном.

«Как он сказал? Колонокские кисти? Вечные, из шерстки

маленького зверька, который водится только в Сибири и бить его нужно только зимой?»

На столе рядом с коробочкой лежала большая книга в зеленой суперобложке, испещренной зигзагообразными полосками.

«Малахитовая шкатулка» (Подарочное издание, большая редкость, дорога-яя-ужас!) Автор БАЖОВ. Цвет суперобложки и рамки на этикетке тюбика были одиноковыми – глубокий темнозеленый, за которым угадывались бесконечные таежные леса Урала, Сибири и дальше, дальше до Алтая и Приморья. Вечно зеленые хвойные чащобы с диковинным зверьем из шерсти которого можно сделать такие кисти...

Он шел по аллее Летнего Сада, держа портфель в правой руке. В одном из отделений портфеля лежал новенький альбом для рисования, остро заточенные карандаши и размягченная в керосине стирательная резинка. (Хотя он держал резинку в керосине несколько дней штамп с изображением белки так и не исчез.) Он давно хотел нарисовать какую-нибудь статую. Причем статуя должна быть где-нибудь в уединенном местечке, где его никто не увидит, потому что пока человеческие фигуры, а особенно лица в фас, у него еще плохо получались. Он знал, что стоит только сесть, раскрыть альбом и начать рисовать, как обязательно набегут пацаны, начнут смотреть и давать советы.

Было последнее воскресенье мая. Утро было удивительно мягкое, ветерок с Невы слегка прикасался к коже и осторожно поглаживал волосы. О прошедшем празднике напоминали еще не убранные красные фанерные буквы на воротах Сада – 9-е МАЯ.

Свернув на аллею, ведущую к Фонтанке он увидел спину странного мужчины, похожего в своей черной пелерине на мушкетера из голливудского боевика, который уже третий месяц не сходил с экранов. (После уроков так хорошо смотреться на трехчасовой и смотреть и смотреть!) Сходство было удивительным. Мужчина кроме того и вел себя как дуэлянт: он подпрыгивал, размахивая чем-то длинным вроде шпаги и, выбрасывая правую руку вперед, протыкая здоровенный белый предмет (мишень?), отставив левую руку, согнутую в локте под прямым углом. В левой руке он тоже что-то держал. У него были длинные черные волосы.

– Что же он такое делает? – заинтересовался мальчик..

Он подошел поближе и увидел в правой руке у мужчины длинную кисть, в левой палитру, белый предмет на скамейке – мольберт. И в массе хаотично вколотых в холст полотна цветных пятен уже угадывались контуры зданий на противоположной стороне реки и белый прогулочный катер, и длинное, белое, похожее на аиста облако.

– Ну чего стесняешься, – проговорил вдруг художник. – Подходи.

(Как он это меня заметил? – подумал мальчик.)

– Я художник, – сказал мужчина. – И вижу спиной. Иногда вижу то, что другие люди не видят. А иногда и мысли угадываю, которые другие скрывают. Тебя как зовут? А? Как?! Ну и меня также. Только еще с отчеством. (Прозвучало необыкновенно раздельно и странно-вызывающе: от-чест-вом.)

– А пришел-то рисовать? И, не дожидаясь ответа, сказал: – Чего стоишь? Садись и давай.

Снова неожиданный выпад в сторону противника – мольберта. Завершающий удар, прямо в сердце... Всё! Конец!

– Теперь пожалуй все, – сказал художник и вздохнул с явным сожалением. – Эх, когда еще такая натура будет. Долго искал, понимаешь такой ракурс. Когда еще придет...

– Ну ладно. Рисуй, парень. А я посижу. Или пройдусь...

Мальчик сел перед статуей Сатурна и взял карандаш. Прошло минут пятнадцать.

– Ну, что? – услышал он откуда-то сзади. – Покажешь?

Мальчик протянул альбом в ту сторону, откуда прозвучали слова.

– Так, смотри ты, ишь ты, экспрессии много, а ты знаешь, парень, умения-то еще маловато...

– Ну, это, положим, я и сам знаю, – подумал мальчик. – Ишь, удивил...

– Ты понимаешь, – продолжал художник. – Скелет без мяса – просто скелет. Дай-ка мне твое стило.

Мальчик не знал, что такое стило, но догадался, что это, скорее всего, карандаш.

Художник сделал всего несколько движений и, о, чудо! Бумага ожила, контуры бога приняли живые очертания, плоскости стали выпуклостями, на рисунке был живой человек. Его даже хотелось потрогать и погладить.

– Ну, ладно, пойдем, – сказал мастер. – Время итти. И посмотрел на часы.

– Тебя тоже, наверно, ждут дома. Ты рисуй побольше и дело пойдет, но учиться надо технике и многому другому. Тебе бы походить в Художественную школу. Да, точно. Я дам тебе адрес. Там у меня и знакомая есть. У тебя что-то есть, право есть. Обидно будет, если потеряешь.

Они медленно шли рядом по аллее к воротам напротив Михайловского Замка.

– Что, давно рисуешь? – все спрашивал художник. – Это, знаешь, дело такое, если уж начал – не бросай. Потом жить не сможешь без карандаша. Я вот рисую только по выходным. То есть я рисую (прости меня, господи!) и на работе – плакаты к фильмам.

– А я все больше самолеты, танки, футбол, дома, – отвечал мальчик. – А самое трудное для меня это нарисовать Неву. Не получается никак вода.

– Да, вода самое трудное, – согласился его собеседник. – Даже у Айвазовского не всегда получалось... Слышал про Айвазовского? Нет?

– Нет, не слыхал, – сказал мальчик. – А что он рисовал?

– Воду, море, валы, – ответил художник. – Особенно ему удался девятый вал!

Они приблизились к последнему повороту, где вдоль Лебязьей канавки выстроились рисовальщики с мольбертами, альбомам или просто кусками белого картона. Все они копировали одно и то же – панораму Лебязьей канавки, Марсово поле, деревья...

Ряд художников был похож на верующих у Собора Святого Пантелеймона – они быстро поднимали одновременно глаза к небу, вскидывали головы и быстро и покорно их опускали, что-то начиная быстро перебирать руками, сложенными у живота. В апреле на Пасху много людей сходным образом толпилось вокруг ограды, умело смонтированной из трофейных турецких пушек.

Мальчик улыбнулся. Сходство было очевидным и ему показалось, что его спутник с длинными волосами – батюшка, а он сам вроде мальчика-служки...

– Чего улыбаешься? – спросил художник. – Что смешного? Или что веселое вспомнил? Но только честно, договорились?

Мальчик подумал и, стараясь правильно изложить свои мысли, медленно объяснил.

– Во! Художник даже подпрыгнул. – Вот это завернул! У тебя настоящее образное мышление! Ты настоящий художник! И добавил. – Даже если не будешь рисовать... Я дам

тебе краски и кисти. У меня еще есть... И запишу-ка я тебе адресок школы и к кому обратиться.

И художник, взяв коробку с красками, написал что-то на доньшке.

– Может и пригодится, и меня вспомнишь... Да, а кисточки-то колонковые, вечные, а краски масляные – тебе еще рановато, но попробуй...

Он встретил художника через много лет. Наверно пятнадцать пролетело, не меньше, у входа в Финляндский вокзал. Тот сидел на стульчике у мольберта, держа в правой руке кусочек угля, а в левой бутерброд с салом.

– Цена 10 копеек, – отметил взрослый уже мальчик.

У того была уже седая борода в крошках хлеба и спутанные чернобелые космы. Руки художника вздрагивали и он неумелым, и оттого визгливым голосом просил-предлагал:

– А кому портретик за треху? Всего 5 минут посидеть и портретик... Кому портретик на память?

Он наклонился к художнику и посмотрел ему в глаза. Глаза были мутные и тот спросил, выдохнув тяжелый запах перегара и гнилых зубов:

– Ну чего уставился? Садись! И, пожевав губами, сказал: – Вы очень красивый молодой человек, такие люди сейчас редко встречаются.

Он вздрогнул от неприятия этой слащавой жалкой лжи и схватив первое, что ему попало под суматошно шарящие

пальцы в глубине кармана плаща, что-то выхватив, сунул художнику в ладонь. Он знал, что меньше пятерки не найдется, но был среди денег и рубль. – Только бы не рубль, – заклинал он. – Только бы не рубль... Потому что лезть в карман второй раз не было бы сил.

Когда он отскочил от художника и обернулся, то заметил, что тот удивленно разглядывал зажатые в руке с черными ногтями пять рублей, которые сунул какой-то придурок перед тем как исчезнуть в толпе.

Прошло лето. Наступила осень. Школа встретила его длинным транспарантом, на котором было написано:

**Приближается день семидесятилетия
Великого Сталина!**

На линейке директор школы выступил с краткой речью перед школьниками начальных классов. Главная идея его выступления сводилась к тому, что в декабре *«вся страна и всё передовое человечество торжественно отметит юбилей Великого Сталина и готовит подарки, а лучший подарок школьников – отличная учеба и примерное поведение...»*

Прошло несколько недель. Лето стало забываться, обыденность школьных, тусклых, неразличимых между собой дней постепенно, словно поршень из насоса воздух, выдавливала сладкие воспоминания о лете, заливе, лесе и футболе...

В конце октября он стал искать что-то в книжном шкафу и

наткнулся на коричневую коробочку, запрятанную за книгами. Несколько мгновений он недоуменно вертел её в руках. Затем внезапно вспомнил... Медленно открыв крышку, которую почему-то заело, он снова увидел тюбики со свинцовым отливом и связку маленьких дротиков-кистей. Он вдохнул тягучий запах олифы. Снова тюбики с красками пронзительно напомнили ему виденные в Эрмитаже тяжелые мушкетные пули и их завершенная готовность быть вставленными в обойму какого-нибудь необыкновенного карабина и увиденный им их разящий неотвратимый полет к неподозревающей ни о чем цели, подготовила импульс-мысль:

– Все же надо пойти в Художественную школу и попроситься в группу.

Он посмотрел на четкие жирные буквы адреса и имени знакомой художника из Летнего Сада. (Вспомнилось: «Скажи ей, что от меня»)

– Пойду, – решил он. – Завтра.

Художественная школа располагалась напротив Таврического Сада. А если быть совсем точным, то как раз напротив того места где упал в 41-ом «Юнкерс-88», протараненный Талалихиным. Марка с рисунком этого поединка была самой его любимой. Он десятки раз в разном цвете копировал эту марку: тупорылый ястребок врезается винтом в хвостовое оперение ненавистного немца. Взрыв, куски самолетов, пламя и все такое... Один удался настолько, что учитель ри-

сования собственноручно прикнутил его к доске в учительской...

Он захватил с собой много рисунков. Говорили, что там строгий отбор.

Высокие дубовые двери с трудом распахнулись. Матовые стекла с выпуклыми переплетающимися лилиями отразили блики фар проехавшей автомашины. Несколько ступенек наверх по ковровой дорожке, прижатой у основания каждой ступеньки медными полосками. Поворот налево по стрелке-указателю **Прием учащихся.**

В конце тусклого короткого коридора еще одна дверь с медной полированной круглой ручкой. Он её повернул и оказался в большой комнате. На ярко освещенной белой стене (недавно покрасили?) транспарант:

**До дня рождения Великого Сталина осталось
60 дней!**

И пониже – **Учащиеся детской художественной школы готовятся к Великой дате.**

И как доказательство – множество рисунков, в основном акварельных.

Сюжеты примерно одинаковые: Сталин во главе колонны рабочих, Сталин на трибуне, Сталин произносит речь, приветствует, обнимает ребенка, пишет в кабинете, у глобуса, Сталин молодой, не очень молодой, и старый в мундире генералиссимуса со звездой и так далее. И как все здорово на-

рисовано! Акварельные рисунки у него все почему-то расплывались (а как смешать цвета?) Как надо много знать и постоянно узнавать. Он был почему-то уверен, что ему ничего равного не нарисовать. Правда, рисунки карандашом или углем были (как он считал) не очень. Тут он смог бы с ними, пожалуй, и поспорить. Но акварели... Как это у них получается? В следующем коридоре висели рисунки под общим названием РАБОТЫ УЧАЩИХСЯ. В основном уже на сказки Пушкина: богатыри выходят из воды и очень натурально вода нарисована, он про себя отметил, очень похоже, у него никогда еще вода так не получалась...

– Ты к кому, мальчик? – раздался вдруг голос прямо над его ухом.

От неожиданности он вздрогнул. Он настолько увлекся разглядыванием рисунков, сделанных ребятами примерно его возраста (под каждой работой были проставлены имя, фамилия, возраст и номер школы), что забыл обо всем. Всё же он отметил, что все они были постарше его года на три, а при игре в футбол, например, такая разница существенного значения не имела, особенно при обводке. Правда устоять на ногах при столкновении с более рослым противником зачастую бывало трудновато, но если соблюдались правила и судья был честный, то можно было вполне играть и против тринадцатилетних.

– Мне нужна Любовь Анатольевна, – ответил он.

– А по какому-такому вопросу? – с улыбкой спросила жен-

щина. – Ну, предположим, это буду я Любовь Анатольевна.

На женщине была красивая прозрачная шифоновая блузка и от неё пахло духами Пиковая Дама.

– Я хочу записаться в школу, – тихо проговорил он. И, помолчав, добавил, что ему посоветовал обратиться к ней один художник.

– Как он? Что он? – быстро спросила Любовь Анатольевна. – Я его давно не видела... Вообще-то мы принимаем в школу с двенадцати лет. Но можем сделать и исключение, если ты подойдешь. Иди за мной.

Они прошли по коридору и вошли в маленькую комнату с окнами во двор. Он посмотрел во окно. Двор был маленький и на противоположной стене (почему-то такие задние стены домов назывались брандмауерами) были видны сине-белые пятна штукатурки и краснеющие полосы кирпича.

– Проблема с этими брандмауерами, – доверительно сказала Любовь Анатольевна извиняющимся тоном. – Тут один энтузиаст придумал разрисовывать пустые стены ленинградских домов сюжетами из героического прошлого. Идея хорошая, да где деньги взять? А этого энтузиаста ты видел. Это очень талантливый человек и очень одинокий...

Любовь Анатольевна смотрела в сторону и качала головой.

– Красивая... – думал он. – Как актриса.

– Ну ладно, – сказала Любовь Анатольевна. – Давай ближе к делу. Покажи-ка свои рисунки. И раскрыла его пап-

ку (самую его любимую, кстати.) На папке была стилизованная под старинный церковно-славянский шрифт надпись – МОСКВЕ 800 ЛЕТ.

Он еще дома расположил свои рисунки таким образом, чтобы лучшие оказались сверху. Первым был тщательно и любовно скопированный, увеличенный во много раз дискобол. (Набросок римского бога, поправленный художником из Летнего Сада он взять не решился.) А дискобол был изображен на марке выпущенной в 1932 году в Италии (он очень ценил эту марку, потому что на ней был четкий штамп – ROME 1932.) Он настолько следовал линиям и цветам почтовой марки, что фигура дискобола отливалась всей гаммой красно-багровых тонов.

– Неплохо, неплохо, – проговорила Любовь Анатольевна. – Только почему он у тебя такой красный, кожу с него содрали, что ли?

Он объяснил. И добавил, что в серии были также дискоболы синего, зеленого и желтого цвета.

Любовь Анатольевна засмеялась и проговорила:

– Да ты копируешь природу, как фотограф. А если подойти творчески? Ну не обижайся, линии у тебя хорошие и правильные.

Он настороженно смотрел на то, как Любовь Анатольевна медленно перебирала его рисунки. Она подносила некоторые к свету настольной лампы и даже поворачивала их по-

чему-то боком. Пересмотрев все, она взяла их как игральные карты и молчала. Прошло секунд двадцать и наконец она было открыла рот, готовясь что-то произнести, как в дверь постучали.

– Да, – недовольно проговорила она и добавила. – Сейчас, сейчас...

В дверь просунулась голова мальчика лет четырнадцати. Он зыркнул на посетителя и спросил:

– Любовь Анатольевна, а сегодня будет урок?

– Ах, да... ну, конечно, сейчас приду.

Она откинулась на стуле и сказала:

– Я тебя возьму... хотя это и против правил – тебе еще нет двенадцати?

Он кивнул.

– Ну вот видишь... а рисовать ты будешь неплохо. Ты хорошо схватываешь движение и на редкость чувствуешь перспективу. Остальное приложится. Для своих лет ты вполне... А весной мы начинаем выезжать на этюды. У многих получаются хорошие акварели.

У него екнуло сердце. (Неужели и он сможет рисовать также как те ребята, чьи рисунки висят в коридоре?)

Любовь Анатольеву а угадала его мысли:

– У всех получается. Наука не трудная. И предложила: – Не хочешь ли зайти к нам на занятие?

...Он шел по осенней улице и перебирал в памяти со-

бытия дня: как он пришел в школу, как он разговаривал с ней, как и что она ему сказала... По правде говоря, посещение класса карандашного рисунка ему не понравилось – уж очень было похоже на урок рисования в школе. Те же самые конусы, кубики, которые надо правильно заштриховать и расположить с ощущением перспективы. Он вспоминал, как Любовь Анатольевна после урока позвала его в свой кабинет и вручила, благоговейно держа на ладонях, книгу на которой было золотом вытеснено СТАЛИН (краткая биография.) Он запомнил её слова «прочитай внимательно, может быть нарисуешь что-нибудь к ВЕЛИКОЙ ДАТЕ. Попробуй найти свой сюжет»

Любовь Анатольевна также озадачила его, когда протянув ему руку, чтобы попрощаться, была отвлечена пронзительным телефонным звонком и продолжая держать его пальцы в правой руке, поднесла трубку к уху левой и, послушав собеседника, внезапно вспыхнула и резко сказала, что она *невкурседела*. Он, не поняв что это значит (наверно и тот, на другом конце провода тоже не понял), так как она повторила со злобой несколько раз: говорят же Вам – *яневкурседела, невкурседела...*

Найти свой сюжет, найти свой сюжет... А как его найти? Закрыв глаза и натянув на голову одеяло он снова и снова смотрел как в кинотеатре это бесконечное количество рисунков о товарище Сталине (а он их запомнил почти все) и

никак не мог понять, что же нового он сможет добавить... Он прочитал биографию Сталина и почему-то из всего прочитанного ему запомнилось, что молодой Сталин был в ссылке в Сибири (где этот Туруханский край, кстати?) и оттуда бежал. А наверно, голодно, было в тайге и молодой Сталин стрелял разное зверье, а стрелок он был, конечно же, отличный, как те прирожденные сибирские охотники, которые могут попасть колонку в глаз и не испортить шкурку. Чем он больше думал о побеге Сталина из ссылки, тем привлекательнее ему казался этот сюжет. Единственное препятствие, которое надо было как-то обойти, это не рисовать Сталина в фас. (Он обратил внимание, что Сталин на всех рисунках в Художественной школе, был нарисован в профиль.) Что-то в этом было... Он так не понял, что именно, но почувствовав какой-то тайный профессиональный ход, решил, что и он последует этому примеру, и ему показалось, что знает как это сделать.

Сначала он попробовал отвернуть крышечки у тюбиков с красками. И ничего не получилось. Крышки намертво приклеились к резьбе и держались за металлические горлышки, как неумеющие плавать за спасательный круг.

Что делать? Сюжет уже был готов, фанерная доска, которую он решил использовать вместо непонятного ему холста, стояла на столе под нужным углом. Он решил тогда проколоть один тюбик и посмотреть, что из этого выйдет. Прока-

львать, а иначе говоря, жертвовать, следовало тубиком, у которого есть двойник. Например, почему не попробовать просто GRUN, а MALACHITGRUN оставить для дела?

Краска, однако, легко выдавливалась (и усилий не нужно было прикладывать) словно зубная паста. Правда, запах был очень неприятный – прогорклого масла, или даже ненавистного рыбьего жира. Краска, тем не менее, без затруднений наносилась на поверхность, но сохла несколько дней. Решение было найдено: рисовать нужно быстро, за один день и потом оставить сохнуть. И все.

(Молодой Сталин бежит из ссылки, он обманывает урядника, который за ним следит, у него ружье удивительного боя, может быть даже с оптическим прицелом, у него полные карманы патронов, у него острый нож, одеяло, спички и табак. Самые трудные эти версты до реки, до какой-нибудь большой реки, где можно на лодке доплыть до железной дороги, а там сесть на поезд. Товарищи по партии помогут, а на железной дороге много рабочих, которые конечно же знают, кто такой Сталин. Вот Сталин быстро выходит из избы, где он живет, он вязнет в снегу, снег глубокий, до колена... Впереди сосновый лес, где зверья... Сталин не пропадет!)

– Ну, показывай, что ты нарисовал, – сказала Любовь Анатольевна. – Показывай, показывай, не стесняйся.

Он протянул ей картину. Любовь Анатольевна недоверчи-

во её взяла и потянула носом.

– Почему пахнет маслом? – спросила она. – Ты, что, написал маслом? Да?

Он кивнул он. – Да.

Безмерное удивление слышалось в её голосе:

– Вот это изба, вот это лес, вот это небо, вот это, как я понимаю, следы от избушки в лес... А где товарищ Сталин? – спросила она свистящим шепотом и почему-то испуганно оглянулась. Она быстро завела его в свой кабинет, плотно закрыла двери и опять еле слышно спросила:

– Куда ты дел товарища Сталина?

– Товарищ Сталин убежал из ссылки, неужели непонятно? Вот следы, он уже в лесу... И он идет к Енисею.

Он увидел, как по её лицу пошли красные пятна и как в её глазах заплескалась странная смесь злобы, растерянности и изумления. Наконец она тихо проговорила:

– Тебе действительно еще рано посещать нашу школу... Приходи лет через пять... Если будешь еще рисовать...

Отойдя от дверей Художественной школы метров на тридцать он оглянулся, прощаясь с этим домом навсегда. И увидел, что его следы на мокром снегу были точь в точь как на его картине, и он знал, что за углом его ждет троллейбус, который уже расчехлил свернутые паруса контактных дуг и вот-вот отчалит с ним на борту в свою последнюю осеннюю навигацию по уже начинающей покрываться льдом реке –

Кирочной улице...

Летающее крыло

– Спокойно Гельфер, спокойно, – шептал мальчик, поглаживая правой рукой шелковистую голову ретривера. Левой рукой он прижимал к глазам отцовский 20-кратный цейсовский бинокль, направленный сквозь щели охотничьего шалаша на обычное бретонское болото, которое когда-то было озером. Солнце уже выкатывалось из-за леса, растапливая туман и контуры родового замка, принадлежащего его отцу – потомку нормандских баронов, стали очень отчетливыми. Над зубцами полуразрушенной стены кружили вороны. Собака припала к земле, хвост её вибрировал. Гельфер ждал:

– Сейчас прилетят дикие утки, опустятся с шумом на воду, хозяин припадет к малокалиберной винтовке с оптическим прицелом, свистнет, чтобы стрелять уток в лет – сидящих на воде бить неспортивно, одна птица обязательно рухнет в камыши, теряя на лету перья, он бросится вперед и принесет её хозяину, целый год после этого чувствуя на зубах трепещущее окровавленное тельце...

На этот раз вместе с утками прилетело несколько диких гусей, которые закрыли собой стаю уток. Ждать было некогда, солнце уже стояло высоко и ему ничего не оставалось как свистнуть, птицы с шумом взмыли вверх, и гуси были по-прежнему между ним и утками.

– Как они но разному взлетают! Утки поднимают голову, а гуси опускают и при этом их крылья треугольником отброшены назад, совершенно разная техника, гуси в несколько раз больше, а скорость много выше!

Охота закончилась и будущий создатель Конкорда заторопился домой, где ему нужно было доклеить корпус картонного «Спитфайера»

...Мальчик боялся высоты. Когда он поднимался по лестнице, он всегда инстинктивно прижимался к стене и старался не встречаться глазами с зовущей к себе пустотой воздушного живого пространства, вокруг шеи которого как питон навивалась лестница. Высота его всегда пугала своим зовом, которому он не смог бы сопротивляться, если бы не было так страшно шагнуть в пролет...

...Тем удивительнее было то сладкое ощущение свободного полета над землей, над стадионом, надо всем, что уже месяц было составной частью его жизни. Он даже не подозревал, что это так замечательно – лететь, парить, и по своему желанию менять высоту. Стоит только захотеть... Он не чувствовал тяжести тела, он ощущал, что его мышцы одновременно расслаблены и удивительно сильны и упруги и как-бы накачены тем воздухом, которым мы дышим и который поднимает аэростаты и поддерживает крылья самолетов, не давая им упасть на Землю.

Он парил над землей и ему хотелось найти то дерево, с ко-

торого он частенько смотрел на Кронштадт сквозь старенький полевой бинокль, который так удивительно приближал купол собора и делал его неотличимым от купола Исаакия. Это была старая могучая береза, одна из многих в аллее, которая вела к старинной финской усадьбе (от дома остался только гранитный фундамент и там можно было накопать много ржавых гвоздей) От середины ствола до кроны ветвей не было – от них остались только короткие сучки – и он думал всегда, что если бы не это, то с самой верхушки можно было бы даже разглядеть пирсы и причалы Кронштадта и фортов. Однако березу было трудно найти среди множества похожих деревьев и он поплыл в сторону поселка...

Скользя над крышами он увидел, что всё-всё распланировано с удивительной геометричностью и жесткой канцелярской точностью. Улицы строго параллельны и перпендикулярны друг другу. (Это было неожиданно – с земли казалось, что поселок застроен хаотично и улицы извиваются и сливаются в беспорядочные клубки, не подчиняясь никаким законам.)

Хорошо лететь!

Между тем он медленно просыпался и чем больше он снижался, тем тяжелее и неуправляемое становилось его тело, и когда он, наконец, коснулся земли, то открыл глаза и с недоумением увидел, что лежит на спине на обычной раскладушке и прямо ему в лицо сквозь волнообразное чистое оконное стекло светит яркое утреннее июльское солнце. В левой по-

ловинке окна была крона березы, а в правой ольхи. Листья были неподвижны и казались нарисованными на стекле.

Неожиданный нарастающий грохот возник из ниоткуда, словно внезапно появившаяся из глубокого туннеля электричка. Непереносимый вой нарастал, достиг максимума, внезапно стал тихим и исчез. За окном, как на экране, проскользили три сверкающие тени с блестящими откинутыми назад крыльями, на которых рдели необычно большие красные звезды.

Звено истребителей – первенцев реактивной эры пронеслись словно стрелы выпущенные из многоствольного арбалета невидимого охотника, притаившегося в той дальней сосновой роще по одному ему ведомой цели...

Мальчик открыл окно. С первым вялым дуновением бриза прилетела бравурная мелодия. (Динамик у магазина включили. Значит уже девять, – подумал он.)

«Все выше и выше и выше стремим мы полет наших птиц...» Мальчик знал, что этой песне больше десяти лет и иногда он задумывался, почему её никто не поет на улицах. Даже летчики-фронтовики пели другое, а эту только по радио по случаю праздников.

Потом долетели слова «Сталинские соколы... слава... советские авиаторы...»

– Ага, – вспомнил мальчик. – Сегодня День Авиации. Надо пойти дядю Колю поздравить.

Дядя Коля сидел у дровяного сарайчика. Мальчик изда- лека увидел его круглую спину обтянутую выгоревшей и за- стиранной гимнастеркой, под мышками которой были боль- шие темные полукружия пота, похожие на ручки инвалид- ных костылей. Дядя Коля сидел сторбившись и лениво, но непрерывно шевелил локтями, двигал руками вверх и вниз, производя какие-то пассы в небольшом пространстве вокруг плеч и головы. Капельки пота на маленькой лысинке прямо на темечке смешно посверкивали под утренним солнцем.

– Дядя Коля доброе утро, – вежливо произнес мальчик. – С праздником Вас.

С близкого расстояния он наконец разобрал, чем занима- ется дядя Коля – бывший фронтовой летчик. С крыши са- рая свисала рваная рыболовная сеть и дядя Коля латал ды- ры при помощи специального приспособления, похожего на большую канцелярскую скрепку. На коленях он держал мо- ток пряжи.

– Ну, привет, видел? – он мотнул головой в сторону неба.

– Чего? – не понял мальчик.

– Да этих долбанных реактивных, – выдохнул дядя Коля водочный запах и положил на пенек надкусанный шматок сала.

– А, видел, конечно. Во здорово!

– А чего здорово-то? – передразнил его дядя Коля и рывком повернулся к нему опухшим лицом. Мальчик уви-

дел темно-красный пятиугольник ордена и квадратик багрово-желто-красного знамени несуществующей страны ЗАТЯЖЕЛОЕРАНЕНИЕ.

– Меня такой вот стрееми-и-тельный и саданул над Померанией. Нашел чему радоваться, – грубо ответил дядя Коля и мальчик в который раз прослушал историю нелюбви бывшего фронтовика к реактивной авиации.

Нашему-то бате «героя» надо было позарез, а войне уже пиздец не сегодня-завтра, а командир полка без «героя» и решил он завалить одного немца в свободной охоте, пока еще не объявили ничего. А где для него «мессера» или «фоккера» возьмешь – уже три дня ни одного не видели, дело-то к концу шло... А летать-то за бабами да водкой забыл как. Ну, взял три звена прикрытия, чтобы его защитили в случае чего и сунули ему немца прямо в рот. Только кнопку нажать... И надо же, выскочил как по заказу на нас немец из-за тучки, и странным он мне показался (а я прикрывал нашего снизу) каким-то горбатеньким, что-то необычное в нем было, что-то в нем сразу насторожило меня. А Батя кричит:

– Это мой! Это мой! Прикрой, прикрой так твою перетак и так далее... (Потом-то мне стало все-таки интересно – откуда немцу было взяться и куда он летел.) Вошел, короче, Батя в пике, а немец сделал иммельман и на какой-то необычной скорости, мы и ахнуть не успели, вышел прямо мне под брюхо и как трахнет со всех пушек, и все по мне. Как я на земле оказался не помню, и как парашют дернул не помню.

В госпитале сказали, что повезло мол, это был реактивный мессер, а мне-то не легче. До сих пор осколок сиди в самой жопе и помеха этому самому делу... Машинка, то-есть, не работает. Хорошо, что двух девчонок успел перед войной заложить... Что-то там такое, б- бля, нарушено...

Дядя Коля помолчал и спросил:

– Ты мою-то вчера видел?

Мальчик не ответил. Хотя он вчера видел как его-то вечером тискалась в кустах с местным "говновозом" – отчимом Вовки. (Вовка был старше мальчика года на три и обычно туманно отвечал – видимо научили – «папа по коммунальной части»). Как-то оказавшись в одной очереди в магазине рядом с отчимом приятеля мальчик осторожно втянул воздух, стараясь уловить запах дачных уборных. Однако от одежды мужика несло табаком и луком.)

Мальчик промолчал и ожидал (как уже бывало), что дядя Коля попросит его сбежать в магазинчик за маленькой и Беломором. Эти предметы всегда выдавал ему из-под прилавка мордатый продавец, который тоже служил в авиации, но не летчиком, а парикмахером. Дядя Коля каждый раз приговаривал:

– Пусть, бля, грехи замаливает, пусть стыд ложкой хлеба-ет, бздюля с ножницами... Однако каждый раз строго спрашивал:

– Не забыл спасибо сказать?

– А вот Кожедуб сказал на лекции, что реактивные не луч-

ше моторных, – нерешительно произнес мальчик. Он давно хотел пораспрашивать дядю Колю, да случая не предоставлялось.

– Ну!?! – выкрикнул бывший летчик. – Ну? Сам Кожедуб? Ваня своих всегда решал сам, за спины не прятался. Ва-ня всег-да сам, сам, – со злобой повторял дядя Коля с силой протаскивая иглу сквозь зияющие дыры в рыболовной сети.

– Сам!!

– Так ведь и давно это было... Семь лет назад. Если бы нам, к примеру сказали, что у немцев есть реактивные, мы бы опасались...

– Ко-о-о-ля! – раздался женский крик. – Винегрету хочешь?

– Ага, – удовлетворенно проговорил дядя Коля. – Моя! Знает как подойти. Дай-ка мне руку встать.

Дядя Коля поднялся со стула. Еще молодой и сильный, ноги он ставил как-то с трудом и раньше мальчик думал, что дядя Коля ходит на протезах как лётчик Маресьев. Но оказалось, что ноги у летчика свои, но странно тонкие и немощные. Чтобы стоять на ногах и как-то передвигаться, нужно было туго пеленать икры специальными бинтами.

– Ну, пока, орел-сокол ясный, – произнес дядя Коля и упал бы, если бы не придавил плечо мальчика.

– Крепыш ты, удовлетворенно сказал инвалид. – С мышцей. Я всегда правым беком был, а ты?

– Предпочитаю центральным защитником. Бегать не люб-

лю, – аккуратно выговорил мальчик.

– Это-то верно, верно, – приговаривал дядя Коля, двигаясь в сторону двухэтажной дачи. – Верно, мать твою, бегать не люблю, – бормотал он. – Да, слышь-ка, ты хотел журнальчики посмотреть. Там в сарае целый чемодан. Можешь не отдавать.

(Мальчик давно просил соседа отдать ему кучу старых «Огоньков», лежавших без пользы под столом в сарайчике, под ржавыми лейками, и прочей садовой рухлядью, принадлежавшей хозяевам дачи. Над столом была прибитая сапожными гвоздями большая фотография – обложка одного из журнала, на которой т. Сталин приветствует пролетающие над ним самолеты на параде в Тушино. Самолеты образовывали фразу «СЛАВА СТАЛИНУ». Сталин и его окружение глядели вверх, прикрывая глаза от солнца.)

Мальчик очень ценил Огонек, однако не за литературные его достоинства – с его точки зрения читать там было нечего, кроме последней страницы, а за высокие качества плотной бумаги, резко отличающейся по устойчивости на сгиб от тетрадных листов. Самолеты, которые можно было сделать из такого материала выдерживали множество запусков, не то что сделанные из тетрадного листа. К тому же учителя всегда нудили «где же остальные листы»?

– Спасибо, дяколя! – крикнул мальчик и из журнала, лежащего сверху, рывком вырвал несколько страниц. Он по-

ложил их на пенёк, на котором еще недавно лежало сало и стал разглаживать страницы ногтем, рассеянно посматривая на небо, ожидая появления новой эскадрильи. Однако самолетов больше не было. Проведя ладонью по страницам он понял, что работа окончена и можно пойти и прогладить их утюгом. Заготовок для будущих самолетов было сделано достаточно. Он осторожно взял разглаженные листы и посмотрел на верхний. Там был рисунок (или фотография). По зеленому небу, покрытому бугристыми зелеными облаками (сразу после войны было почему-то модно печатать фотографии в Огоньке в каком-либо одном цвете) летело нечто, похожее на большой треугольник – типа школьной треугольной линейки. Под картинкой было напечатано несколько предложений. Он скользнул по ним: «американцы... безумная затея... деньги на ветер... налогоплательщики... поджигатели войны... бредовая идея... народы мира... несостоятельный прожект...»

– Надо будет спросить, что такое прожект...

Треугольник был удивительно похож на его бумажные самолетики, которые тем не менее проявляли замечательные летные качества, если их правильно сделать и особенное внимание обратить на изготовление хвостового оперения, которое требовало необыкновенного внимания – иначе модель входила в пике. Хорошо сделанный самолетик мог очень долго планировать с крыши школы, пока не приземлялся (всегда на фюзеляж) в пришкольном участке в метрах

трёхстах от школы. Если же дул ветер, то самолетик опускался на асфальт или его заносило на крыши соседних домов.

– Дядьколя, а Валя выйдет? – крикнул мальчик.

Бывший летчик остановился и буркнул, не оборачиваясь:

– Спрошу...

Мальчик дружил с дочкой дяди Коли – его ровесницей, и частенько она стояла в футбольных воротах и он стучал пенальти. Она была прыгуча как кошка, хотя и не такая цепкая, и без страха металась в левый нижний угол и даже в левый крест, куда он научился бить баночкой и попадал в восьми случаях из десяти. Правда удар получался несильным, но взять его было практически невозможно. Вот и вчера, когда он отчаялся ускорить полет мяча – просто баночка не позволяла сделать это физически, и он это хорошо понимал, он саданул пыром, целясь в левый крест и к его удивлению почти попал, если бы мяч не ударился в самый перекрест штанги и перекладины... Тяжелый намокший мяч (утром прошел дождь) с хлюпающим звуком сбил перекладину и она рухнула бы на землю, если бы не сетка, которую натянули перед предстоящей игрой взрослые парни из ремесленного. Он замер. На лице Вали появилось безмерное удивление.

– Ну ты дал! – воскликнула она с восхищением. – Во врезал!

Не прошел бесследно контакт со штангой и для мяча. Он завис на ржавом гвозде и медленно шипя, сморщивался, по-

ка не превратился в нечто похожее на большую кожаную ва-
режку.

– Чего делать будем? – упавшим голосом спросил маль-
чик. (Мяч стоил дорого и не имея собственного мальчик за-
нимал мяч у соседей.)

– Делов-то! – воскликнула Валя. – У нас есть новый клей.
Клеет всё!

– Подожди, – сказал мальчик и, подставив пару кирпичей,
осторожно достал мяч. На его счастье гвоздь вошел между
швами.

– Только камеру заклеить, – сказал он успокоенно. – Толь-
ко камеру. Ну, тащи свой клей и шнурок с мамашинной
шпилькой.

– Что же это за клей такой, – спросил он, выдавливая ка-
пельку клея из голубоватого тюбика на страницу из Огонька.

Янтарная капля, едва оказавшись вне материнского лона,
стала уплощаться и тускнеть, её края истончались и через
минуту пахучая желтая капелька стала похожа на тусклые
потеки смолы на соснах. Мальчик осторожно потрогал пят-
нышко клея.

На поверхности серо-белой сферы остался четкий след –
рисунок кожи.

– Осторожно, приклеешься! – испуганно толкнула его Ва-
ля.

Он повертели тюбик в руке и прочитал вслух «БФ-2 УНИ-

ВЕРСАЛЬНЫЙ КЛЕЙ»

– Сначала надо края зачистить, – быстро проговорила Валя осторожно выговаривая по слогам ор-га-ни-че-ским раство-ри-те-лем.

– Чем, чем? – переспросил мальчик.

Валя фыркнула:

– Ну водкой... И добавила, оглянувшись:

– У нас её много...

Стадион медленно наполнялся народом. Покатили на новеньких велосипедах «Турист» по гаревым дорожкам аккуратные чистенькие «мальчишки-гогочки». За ними испуганно следили мамы с шестимесячной. В глазах каждой мамы светилось неукротимое желание защитить, спасти и оградить сыночка от нежелаемых контактов с дурными мальчишками, ремесленниками например, которые курили и кричали через все поле запрещенные слова.

Солнце поднималось всё выше. Неожиданно щелкнул репродуктор и из него стали выплескиваться волны шума и ликования, переполнявшего толпы в Москве в Тушино. Диктор еще не сказал ни слова, а уже было ясно, что там событие на уровне национального праздника. Затем с высокого столба, где был укреплен динамик стали вырываться четкие рубленые фразы:

«...День авиации... сталинские соколы... трибуны лику-ют... среди них Герой Кореи Сень-сень-сень сбил летающую

крепость... Слава Великому Сталину! Ура!..»

Затем слова диктора утонули в реве реактивных двигателей.

– Хорошая все таки бумага, – думал мальчик, проводя пальцами по гладкой поверхности страниц из Огонька. И он стал сгибать листы по давно отработанной технологии, пока не получил модель в форме треугольника, при этом хвостовое оперение, а по сути дела длинный клинообразный киль, который должен был идти от вершины треугольника, то есть носа до его основания и строго ему перпендикулярно, должен был оказаться снизу фюзеляжа, а не наверху. Если киль сделать вверху корпуса, то самолет сразу войдет в пике и врежется в землю. Нерешенной оставалась проблема надежного и прочного соединения двух половинок треугольника – они расходились после многочисленных сгибов и резко ухудшались, если совсем не ликвидировали его летные качества. Он пробовал использовать для соединения канцелярский клей, но высохнув, клей приводил к изгибу корпуса и выпрямить его практически не удавалось. Кроме того клей был довольно тяжелый и смещал центр тяжести. И клея этого требовалось достаточно много – почти два грамма. А если учесть, что сама модель весила двенадцать грамм, то эта была значительная дополнительная тяжесть. Столярный клей не склеивал бумагу, а применение ниток сказывалось губительным образом на свойствах корпуса.

– А что если попробовать БФ-2? – подумалось ему. – В самом деле, наверно одной капельки хватит за глаза. Особенно если её быстро размазать. И веса никакого и держать будет фюзеляж.

Ведь мячик заклеен намертво, хотя уже почти месяц по нему бьют здоровенные парни.

Клей стоил денег, а денег не было. Пришлось обучить игре «в пристенок» поселковых мальчишек (которые к его величайшему удивлению, такой игры не знали) и выиграть за неделю пять рублей. Однако клей ему достался бесплатно. Продавщица сказала, что привезли месиво какое-то, и если, мол, найдешь целый тюбик и выташишь из ящика – то он твой задаром. Только ящик выброси на помойку.

Он нашел...

Самолет, занесенный с всеми предосторожностями на верхушку его березы лежал на ладони. Далеко, далеко на платиновой плоскости залива вдаль лежал Кронштадт, похожий на котелок дореволюционных приказчиков. Далекий дым у края котелка – лайнер из Балтики в Ленинград – вился папиросными кольцами...

– Ну, что, пускаешь? – донесся голосочек Вальки с далекой земли.

– Да, – и еще раз проверил, правильно ли он взял модель. Все было верно: большой и указательный пальцы сходились точно в центре тяжести, там где была фотография небыва-

лого доселе летального аппарата ЛЕТАЮЩЕЙ КРЫЛО.

– Это хорошо, что ветра нет, – сказал мальчик и заведя руку за голову привычным движением направил модель немного вверх в вперед и, когда самолетик оказался на расстоянии вытянутой руки, будучи еще зажат захватом пальцев, он раскрыл ладонь. Он послал самолет в сторону поля, за которым была старинная роща и их дом, не решившись запустить в направлении леса – там самолет мог застрять где-нибудь на верхушке сосны и доставать его по-о-том...

Самолет плавно летел в сторону их дома. Вот он стал снижаться, планируя всё еще на достаточной высоте, пересек поле и повис словно маленькая белая сова в сетчатой кроне березы. Он с облегчением вздохнул – достать модель оттуда было не трудно; он залезал на каждое дерево около дачи много раз.

– Ты видел, куда он упал? – крикнула Валя.

– Не упал, а совершил вынужденную посадку, – рассмеялся мальчик.

Он вертел в руках открытку, посланную ему неделю назад из районного Дворца Пионеров. Его приглашали записаться в шахматную секцию.

– А, – понимающе протянул он. – Это Робка...

(Робкин отец – мастер спорта – руководил шахматной секцией и набирал ребят на следующий год. Он был вечно озабочен «часами» и тем, что если учеников будет мало, то у него не будет работы. Робкин папаша внешне был похож на

тяжеловеса Новака – маленького роста, приземистый, с широкими ладонями. Когда он показывал им разные партии, мальчик всегда удивлялся, как он не ломает такие хрупкие шахматные фигурки. У отца был серый пиджак, который он носил круглый год. На лацкане блестел нетускнеющий серебряный значок с золотой ладьей в центре. По низу значка на синей эмали была надпись ПОБЕДИТЕЛЮ ТУРНИРА.)

Надо было ехать в город, что представляло некоторые трудности, так как его по малости лет могли не пустить.

– Ну, ладно, – решил мальчик. – Туда-сюда, скажу что был на пляже, или в лес пошел. Часов за пять обернусь...

Назавтра он поехал, прихватив с собой книгу рассказов болгарского писателя Эмиля Стоянова, на которой было написано Борькой «ЧИМПИОНУ ДВОРА май 1952, ЛЕНИНГРАД».

Шахматная секция находилась на третьем этаже запущенного здания, которое, еще не приобрело нормальный облик после блокады. На потолках были сине-белые разводы бесконечных протечек, лестницу покрывала вытертая ковровая дорожка, мраморные перила были выщерблены и кое-где заделаны серой известкой. На каждой лестничной площадке стоял синий эмалированный бачок с прикованной алюминиевой кружкой. Над бачком была надпись «ПИТЬЕВАЯ ВО-

ДА»

– Наверяд ли кто-нибудь будет пить из этой помойки, – подумал мальчик медленно поднимаясь наверх. Было очень тихо и пустынно.

– Лето, – констатировал он. – Лето...

На площадке второго этажа он остановился. Его внимание привлекло объявление, висевшее на одной из дверей, выходящих в пыльный грязный коридор.

– Времени еще много, – и он решил посмотреть, что это за объявление.

ЗДЕСЬ ПРОИЗВОДИТСЯ ЗАПИСЬ В АВИАМОДЕЛЬНЫЙ КРУЖОК С ДЕВЯТИ УТРА. РУКОВОДИТЕЛЬ ИОСИФ БОРИСОВИЧ МЕЦЕНГЕНДЛЕР. ПРОСЬБА СТУЧАТЬ.

Мальчик постучал. Ему никто не ответил, но он вошел. У окна, в конце длинной пустой комнаты, в глубоком кресле спиной к нему сидел мужчина и курил.

– Тебе чего, ты кто, – без выражения проговорил мужчина и повернулся к нему лицом. Мальчик ответил.

– Ну тогда подойди, – отозвался мужчина. Тут мальчик увидел, что мужчина еще молод, что у него густые черные волосы зачесанные назад. У мужчины не было левой руки, её заменял протез в черной перчатке.

– Привет, – ухмыльнулся мужчина и сказал. – Я Иосиф

Борисович. Самолеты хочешь делать?

Мальчик кивнул.

– А уже построил чегонибудь?

Мальчик снова кивнул.

Иосиф Борисович улыбнулся и показал здоровой рукой:

– А это что у тебя «РУКОВОДСТВО ПО НОЧНЫМ ПОЛЕТАМ»?

Мальчик протянул ему книгу.

– Так, Болгария, значит, тихо себя проговорил Иосиф Борисович и неожиданно запел «ГДЕ Ж ВЫ, ГДЕ Ж ВЫ, ОЧИ КАРИЕ, ТИХИЙ ГОВОР, ЗВОНКИЙ СМЕХ, ХОРОША СТРАНА БОЛГАРИЯ, А РОССИЯ ЛУЧШЕ ВСЕХ...»

Мальчик знал эту песню: её всегда напевал бывший летчик дядя Коля, когда выпивал пиво с прицепом.

– Учитель тоже уже выпил, – подумал мальчик и не ошибся. Ветерок донес знакомый запах.

– Не дошел я до Болгарии, не довелось, – тихо сказал Иосиф Борисович. – Видишь? – он постучал здоровой рукой по протезу.

– Знаешь, как получилось? Я зенитчиком был. Когда гансы двинули на нас под Балатоном, наш дивизион поставили прямой наводкой по танкам. А опыта-то не было... Через дуло наводили, а «Фердинанд» опередил и прямо болванкой по расчету... А потом «фоккеры» налетели... Ты знаешь что такое фоккер? А наши зенитки в землю смотрят и половина уже на том свете, а у меня, чувствую, рука ноет, а посмотрел

– руки-то и нет...

– Так чего можешь строить, *чемпион*? – спросил он, посмотрев мальчику в глаза.

– Летающее крыло...

– Ну... – протянул Иосиф Борисович. – Ну... Никогда не слышал про такое...

– Это вот, – и мальчик нарисовал.

– Тоже мне, – разочарованно сказал мужчина. – Я такие еще в школе делал.

– Этот не такой. Он только похож на обычный, – возразил мальчик. – Мой летает и может планировать почти триста метров.

– Да? – спросил Иосиф Борисович недоверчиво. – Такие самолетики вообще-то не летают.

– Не Вы один, – дипломатично сказал мальчик. – В Огоньке тоже не верят. Могу принести и показать. Мой летает.

– Верю, верю, – отмахнулся Иосиф Борисович. – Я тебя принимаю, а ты запиши адресочек и телефончик. Заявление возьми на столе. Извещу о начале. Лады? А любопытно было бы взглянуть на твой самолетик. Если не долго – принеси...

Мальчик видел, что Иосифу Борисовичу явно нечего делать.

– Кстати, парень, а ты в какой кружок шел записываться? Я чего-то не разобрал, чего ты *чемпион*?

Мальчик ответил.

– А как же шахматы? – опять спросил Иосиф Борисович.

Мальчик отмахнулся и произнес:

– Так я принесу модель... Но только завтра (опять нужно будет смотаться в город.)

– Ну завтра, так завтра, – согласился его собеседник.

Мальчик стоял у раскрытого окна кабинета, в котором будет размещаться авиакружок и смотрел во двор. Окна районного Дворца Пионеров выходили не только на улицу, но и во двор. По правде говоря двора не было. Вместо него лежали развалины разбомблённого дома и стояла уцелевшая боковая стена. Остатки разноцветных обоев, словно лоскутья нижнего дамского белья еле прикрывали наготу грязной известки. Странно было видеть висящую на ржавых петлях дверь, где-то на уровне третьего этажа, за которой не было ничего и перед которой тоже ничего не было, кроме скрученных ребер перил... Из стены также торчал кусок рельса, к которому были приделаны качели.

– Так, так, – вертел за его спиной Иосиф Борисович модель.

– Бумага из Огонька? Так? А это что за картинка?

– Летающее крыло. Как у меня. Только там пишут, что не полетит. А мой летает...

– Надо проверить, – примирительно сказал Иосиф Борисович и подошел к окну. Умело взял самолетик за середину фюзеляжа и спросил (из вежливости, конечно):

– Правильно держу?

И, не дослушав ответа, метнул модель в воздух. Оба бросились на подоконник и жадно смотрели за поведением белого треугольника.

– Смотри, летает, – удивленно посмотрел Иосиф Борисович на мальчика. – А пишут – не полетит... Слушай-ка, а ты не мог бы сварганить такую же модель, но только из бамбука, специальной бумаги и прочего? Я дал бы книжку, в которой все написано. Это тебе будет просто. А?

– Сейчас клей хороший появился, – быстро ответил мальчик.

– БФ-2.

– И это знает, – усмехнулся учитель. – Принесешь на первое занятие. Договорились?

Была уже середина сентября. Перед мальчиком лежал учебник русского языка. На дом задали выучить стихотворение.

– «Есть в осени первоначальной... чудная пора... когда сентябрь стоит как бы хрустальный, – повторял мальчик. – Как бы хрустальный, как бы хрустальный...» Он посмотрел в окно. Город лежал как аккуратно вырезанный макет из серо-красной бумаги, наклеенный на необыкновенное синее небо с расплывающимся желтым пятном солнца. Стихотворение было выучено и он повертел открытку, которой он заложил нужные страницы.

«Занятия переносятся в Центральный Дворец Пионеров...». Первое завтра, то есть в субботу.

Он открыл чемоданчик, в котором лежала летающая модель, сделанная из бамбука и бумаги. Бамбук был нарезан из старой лыжной палки. Палку он сломал в прошлом году, пытаясь увернуться от дерева в Сосновском лесопарке. Наибольшее препятствие он встретил, однако, не при монтаже элеронов а тогда, когда пытался нарисовать красную звезду на промасленной бумаге. Пришлось её сначала нарисовать на ватмане, затем вырезать и только после этого наклеить на киль.

– Здесь авиакружок? – спросил он, сверившись с номером комнаты.

– Здесь, здесь, мальчик, входи, – сказала крупная молодая женщина в белой шелковой кофточке. На её шее был повязан короткий пионерский галстук, концы которого она все время разводила пальчиками в стороны, как народная артистка Ладынина в «Кубанских казаках»

– Мне нужен Иосиф Борисович, – сказал мальчик. – Он скоро придет?

– И-о-сиф Баа-ри-са-вич, – с растяжкой произнесла женщина в галстуке. – Ни-ког-да больше не при-дёт. И поджала губки. Её соседка по комнате, тоже в белой блузке но без пионерского галстука, стала согласно кивать.

– Иосиф Борисович слишком много интересовался... ска-

жем... другим. Слишком много... Руководство не может терпеть пренебрегающих своими обязанностями.

– Ты понял? – спросила она мальчика и, не дожидаясь ответа, обронила:

– А еще герой войны... Пойдем. Как твоя фамилия?

Мальчик пошел за ней по широкому коридору. Они вошли в большую комнату, которую он бы назвал скорее зал (На уроке русского языка учительница как-то восхищаясь богатством русского языка, говорила – можно сказать зал, можно сказать зала, можно сказать зало...) В зале стояли длинные черные столы, окна выходили на Невский. За столами сидело несколько ребят.

– Эй, пацан, давай ко мне! – сказал один из них и подвинулся. Мальчик сел рядом и стал осматриваться. По стенам были развешаны фотографии в рамках различного размера. С потолка свисал, словно большой абажур, макет самолета. Модель была подвешена за крылья и хвостовое оперение.

– ПЕ-2, – сказал себе мальчик и отметил, что боковинки фюзеляжа были густо намазаны канцелярским клеем, судя по натекам и блеску. Когда в открытые окна влетал рев двигателей близко пробегающих машин, модель вздрагивала и вибрировала.

– Дети, – сказала женщина. – Дети, я буду вести у вас авиамодельный кружок. Вы уже пионеры и будете работать хорошо.

(Мальчику никогда не нравилось это – дети, пионеры и

тому подобное.)

– Дети, – продолжала женщина, закинув голову назад, словно эстрадная певица перед началом сеанса на детском утреннике. – Дети, – в этой зале (Зале! – повторил про себя мальчик.) – В этой зале до войны пионер Марик Тайманов играл в шахматы с самим Михаилом Ботвинником! И хорошо сыграл!

– Посмотрите вот сюда! Она показала на большую фотографию, на которой молодой Ботвинник в больших очках ласково и несколько озадаченно пожимал руку чернявенькому пацанёнку в белой рубашке с галстуком.

– Так гордитесь же тем, что делают для вас наше родное государство и лично товарищ Сталин!

Его сосед наклонился и прошептал:

– Ты титьки видишь? Мой папаша сказал бы, вот подержаться бы...

– Зачем? – спросил мальчик.

– Ну... – неопределенно ответил сосед. – Ну... В прошлом году мамашка за такие слова та-а-ких пиздюлей ему поднакидала...

– А он потом тебе, – понимающе сказал мальчик.

– Ага, – пацан почему-то радостно закивал.

– Дети – снова начала женщина. – Мы будем учиться с вами строить модели современных самолетов. И обещаю, что через год ваши модели смогут летать. Она умолкла, вспом-

нив, что не спросила у новичка, которого ей подсунул Районный Дворец пионеров, что у него в чемоданчике.

– Мальчик, – строго сказала она. – Что у тебя в чемодане?

– Самолет, – коротко ответил. – Модель.

– Мо-о-дель? – ухмыльнулась женщина. – Откуда вдруг?

– Почему вдруг? – возразил мальчик. – Иосиф Борисович научил.

– Покажи, – с недовольной гримасой сказала женщина.

Он открыл чемоданчик и вынул осторожно самолет.

– Что это за самолет такой? – заулыбалась женщина. – Таких самолетов не бывает.

– Бывает. Называется летающее крыло. (Эта тетка в пионерском галстуке начала его раздражать.)

– А почему это у твоего самолета хвост внизу?

(Сама ты хвост, – подумал мальчик) и ответил:

– Это не хвост, а хвостовое оперение. Если киль поставить наверх, то самолет не полетит.

– А если киль внизу, то полетит? – ехидно спросила женщина. – Не смей меня. Не полетит. Ручаюсь.

– Дети, – сказала она, подняв модель над головой. – По плану мы начнем строить модели только через год. Сначала нужно научиться работать с материалами. А что касается этого хвастунишки, то мы сейчас убедимся, что его так называемое Летающее Крыло не летает!

Она, все еще держа модель над головой, сильно толкнула её вперед. Самолет вырвался из её рук как камень из ката-

пульты и, пролетев по диагонали зал, ворвался в открытое окно, пролетел над всей шириной Невского и мягко опустился перед автобусом, который уже отходил от остановки Лавка Писателей. Левое переднее колесо автобуса проехало по самолету и превратило его в плоский треугольник.

Женщина в смущении охнула и что-то огорченно залепетала, но мальчик её не слышал. Он уже был на лестнице и, прыгая через несколько ступенек, выскочил на набережную Фонтанки...

Он быстро шёл по Владимирскому Проспекту и ему, по правде говоря, уже не было жалко модели. Он её сделал и это было главное. И если захочет, то сделает ещё и ещё.

Навстречу ему летел по брандмауеру, держась за лиану Тарзан, и единственная вещь, которая сейчас интересовала его больше всего – как достать билетик на ближайший сеанс.

Эспаньола

*March 1, 17.. “... The ship is bought and fitted.
She lies at anchor, ready for sea. You never imagined
a sweeter schooner – a child might said, her – name
‘HISPANIOLA ’
(R.L.Stevenson “TREASURE ISLAND”)⁶*

– Так, решено? – спросил он у Марика, по прозвищу Албанец. – Копаем?

Марик посмотрел на небо, по которому ползли низкие темные облака, посмотрел на море, на песчаную косу на которой они стояли и пожал плечами.

(С прибрежной дюны коса была похожа на длинный язык ящерицы, выброшенный в сторону будущей жертвы, которая вот-вот должна появиться из морской глубины, а сама дюна была голова этой ящерицы... Однако с косы берег выглядел иначе. Если самая ближняя дюна действительно чем-то напоминала плоскую голову рептилии, то более мелкие дюны казались частью её длинного тела с зеленой блестящей кожей осои и костистыми гребнями сосен... – Не правда ли, Марик?)

Марик ответил: – Кончай читать Обручева и “Затерянный

⁶ (..1-ое марта 17... Корабль куплей, оснащен и готов к отплытию. Шхуна настолько маневрена, что даже ребёнок сможет справиться с управлением. Мы назвали её «ЭСПАНЬОЛА»...(Р.Л. Стивенсон «Остров сокровищ».)

мир” Конан-Дойла, его рассказы о Шерлок Холмсе интереснее... Набрался разной муры.

– Начнем, а то...

– Что, а то?

– А то, что ветер сильнее станет... И весла еще надо найти какие-нибудь. Тут нам работы надолго. Копать-не перекопать... Неизвестно еще – хорошая ли лодка, может вся сгнила давно.

– А лодка ли? – с сомнением спросил он Марика.

Марик постучал носком сандалета по черному куску дерева, торчащего из влажного песка, и задумчиво ответил:

– Скорее всего... Если откопаем и лодка нормальная – то пару часов можно будет покататься. А потом бросим или утопим. Идет?

– Ну, ладно, будем считать, что лодка в порядке (если это лодка, а не кусок доски), хоть и пролежала в песке, ого, сколько... Как ты думаешь, сколько?

– Кто же это знает, скорее всего финны еще оставили... Лет десять, наверно.

Марик еще раз ощупал кусочек торчащего дерева и сказал с уверенностью:

– Просмолено хорошо... Что теряем? Если не лодка – тоже интересно. А если все же лодка... Если гнилая – не поедем и всё. Хоть развлечение... Ну, давай свою финку, я начну, а ты пошуруй по берегу, может найдешь железяку какую-нибудь. Там я пару досочек видел – к берегу прибило.

Захвати. Может на весла пойдут.

Песок был похож на пропитанный вязким медом лимонный пирог, который можно было купить в любой булочной.

Марик приговаривал, вырезая финкой ровные куски влажного тяжелого песка и бросая их в воду:

– Самое важное – это технология, чтобы все шло по конвейеру и без затраты лишней энергии.

Песок тяжело плюхался в прозрачную теплую воду и опускался комком на дно, быстро растворяясь, словно сахар в стакане с чаем. А они уже работали около часа и уже почти вся лодка, словно долбленка каменного века, была откопана.

– Ну, что лыбишься? – спросил весело Марик, отбросил рукой с зажатой финкой черную прядь волос и посмотрел на него.

(Удивительный у Марика взгляд – подумалось ему. – Не поймешь куда он смотрит. Левый глаз косит, и кажется, что и правый глядит в другую сторону. Наверно, он мог бы стать чемпионом по боксу – не уследить за движением кулаков. А почему к нему прицепилось это прозвище Албанец? Почему Албанец... Это есть такая маленькая страна где-то около Югославии со столицей Тирана. Тирана... Бывают тираны, а почему Тирана...)

– Радуюсь, что уже почти откопали, – ответил он. – И хорошо, видишь моя лопата вот-вот отдаст концы, – и показал Марику расслаивающийся кусок старой фанеры.

– Да, уже почти готово... Все таки это лодка... Посмотри, как здорово просмолена и борта целые. Теперь надо песок из самой лодки убрать. Ты лей сюда воду вот этой консервной банкой, а буду размешивать в ней песок и вычерпывать. А лучше я сам буду это делать, а ты подпиливай досочки своей финкой, чтобы концы были похожи на лопасти. Удобный у тебя нож – и не тупится и насечки как у пилы есть. Я такой видел в Туле в Оружейном Музее. Называется НОЖ САПЕРА.

Марик разогнулся и посмотрел вокруг. И ему на мгновение показалось, что эти дюны и это море, и это небо и сосны, и всё-всё вокруг, ничем не отличается от Риги, где он был в прошлом году. – Сколько тут километров по прямой от Выборга до Риги? Километров двести...

– Ну, вот и вырыли, – сказал Марик и вытер ладонью лоб. – Давай проверим судно на прочность. (Марик частенько любил ввернуть в нормальную речь такие взрослые выражения «главное – конвеер» или вот «на прочность»... Где он такого набрался? Мама учительница литературы. Наверно есть какой-нибудь родственник инженер или мама замуж собирается за кого...)

– Ну чего уставился? Прощупай каждый сантиметр.

Весь корпус лодки был залит когда-то плотной черной массой – наверно гудроном, и сохранились даже куски деревянных уключин, торчащих из бортов словно остатки зу-

бов из челюстей выкопанного черепа. Он себе не поверил – столько времени пролежать в мокром песке и нет гнили...

– Давай перевернем, – предложил Марик. – Надо осмотреть днище и проверить киль. – Навались!

Лодка на удивление легко перевернулась и подставила днище – киль был целый и прикрыт стальным рельсом, прикрепленным ржавыми болтами к массивному деревянному брусу, идущему от тупой кормы до носа.

– Дырок нет! Можно плыть, – сказал он. Пальцы Марика, как пальцы пианиста по клавиатуре, пробежали по телу лодки. – Весла, что ты настругал, привяжем шнурками от кедров и укрепим ремнями. Или будем грести стоя на коленях, как островитяне. Идет?

– Ты видишь какое расстояние между волнами большое, – сказал Марик. – На мелководье метров двадцать между каждым новым гребнем – смотри на пену – а тут расстояние меньше, но зато качает сильно. Чтобы нам двигаться, я думаю, надо итти зигзагом – грести параллельно берегу, когда мы в зоне между гребешками и ставить нос перпендикулярно новой волне. Согласен? – спросил Марик для приличия.

– Конечно согласен... Конечно... (Марик подавлял его своими знаниями в разных областях жизни, особенно он был силен по части многих естественных физических законов.) Марик часто хвастался: – У Перельмана в его «Занимательной физике» много чего написано интересного. А задачи его

я решил все, между прочим. Марик не скрывал, что он хочет стать инженером и строить самолеты.

– Вот это и есть подъемная сила, – говорил он, показывая на стрелку опущенную вниз от центра крыла нарисованного самолетика. – Это разница между... вот этим и вот этим... Понимэ?

Они уже отошли от берега на приличное расстояние – наверно около километра. Лодка медленно, но неуклонно продвигалась вперед и грести было удобно, хотя гребок получался не сильный, и чтобы грести надо было стоять на коленях, словно в каноэ. Волны поднимали лодку и опускали, вода была темная, пропитана шипящей пеной и пахла водорослями. Было уже около шести вечера и солнце, подмигивая из-за бегущих полупрозрачных облаков, уже приближалось к далекой линии горизонта, явно готовясь нырнуть в глубину, словно кит, до следующего утра.

– Есть идея, – сказал Марик. – Правим на Окуневую бухту. Она вот за этой косой. Знаешь?

– Конечно, он знал эту бухту с её песчаными берегами, безлюдьем. Она всегда привлекала его и Марика. Там было хорошо загорать и купаться. И там никогда никого не было. Вход в бухту был прикрыт гранитными скалами, торчащими из воды словно надолбы. Дно бухты было ровное и песчаное. Вода прозрачная. И если забраться на скалу, то можно бы-

ло видеть стаи золотистых рыб, ведущих у дна бесконечный хоровод. Прямо вот за этой косой – плыть еще немало – а близко кажется. Только заплывешь за косу – и там уже рукой подать до входа в Окуневую. Если на моторке, то можно и пропустить вход в бухту, если не знаешь, что она есть. И никак не догадаешься, что за скалками скрывается таинственное пространство одинокой спокойной воды, где беззаботно нежатся стаи окуней. Если лежишь на золотом песке, больше похожем на пудру, чем на песок, и смотришь долго на марево над пляжем и над водой, то иногда тонкие струйки дымящегося воздуха неожиданно превращаются в каравеллу, стоящую на якоре у безымянного острова в Карибском море...

...На мачте лениво плещется флаг со скрещенными костями и черепом... После успешного разбоя команда пьянствует и обжирается на берегу... Ты там единственный оставшийся в живых после захвата твоей шхуны, на этом корабле, среди сосущих вонючий ром нескольких вахтенных... Убивать тебя им не было смысла – мальчишка, и выкуп можно взять большой... Они тебя не боятся, они тебя не боятся... Вот заперли в каюте с маленьким иллюминатором.... Чего им опасаться? Корабль ты не уведёшь. Каждый матрос тебя пальцем перешибет. Мальчишка...

Марик греб стоя на коленях, подстелив снятую майку, не поднимая головы. Брызги слегка соленой воды (еще несколь-

ко километров к западу и вода Финского Залива начинает незаметно перемешиваться с соленой водой Балтики) накрывали лодку словно вуаль.

– Марик! – выкрикнул он, когда они наконец-то перевалили за косу и до Окуновой уже было рукой подать. – Посмотри!!

Марик поднял голову и откинул характерным жестом – тыльной стороной кисти – черную прядь:

– Куда смотреть, чего разорался?

– Да вперед, куда же еще!

Прямо по курсу, напротив входа в бухту стоял настоящий парусник. Две мачты, паруса зарифлены, корабль качался на волнах, то ныряя носом, то зарываясь кормой в темную воду. И хотя было еще довольно светло, на мачте горел тусклый белый огонек. У них захватило дыхание. ШХУНА!!

– Давай подплывем ближе, – предложил Марик. – Навались!

Через несколько минут они приблизились к паруснику настолько, что уже было понятно, что это всего лишь небольшая прогулочная яхта, стоящая на двух якорях – носовом и кормовом. Канаты, уходившие в воду под острым углом вибрировали и, казалось, даже звенели, когда, лодка заваливалась на борт. Маленькие темные иллюминаторы в носу были похожи на закрытые глаза большой беззаботно спящей рыбы. На палубе никого не было видно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.